Пётр Коваленко

ЖАЖДА ЖИЗНИ

рассказы, стихи

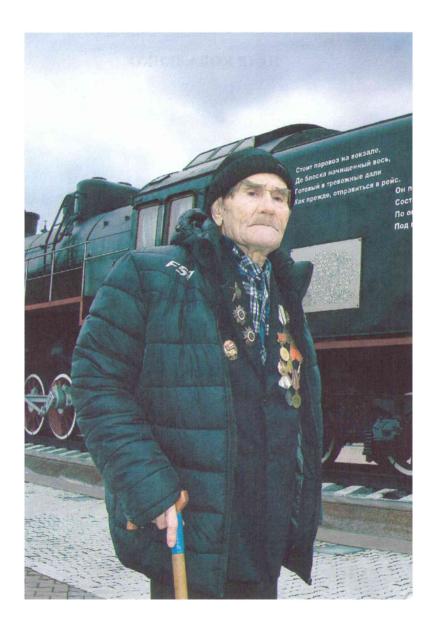
г. Ужур, 2013 г.

ПЁТР КОВАЛЕНКО

Жажда жизни

РАССКАЗЫ, СТИХИ

г. Ужур, 2013 год

Он мечтал увидеть эту книгу и торопился писать. За несколько месяцев до кончины один за другим получала я его произведения. «Давай включим в нее только рассказы о природе,- сначала говорил он мне, - пусть она отличается от других, где были только стихи о войне, лирика». И даже название придумал - «Жажда жизни», внеся в него огромный смысл.

Но в процессе подготовки издания он все-таки решил отправить еще и стихи. Опять же о природе, поскольку именно она во многих случаях вдохновляла его на творчество, именно природа, родные причулымские уголки, где он провел не одип день и не одну ночь с ружьишком, любуясь травинкой, умея замечать то, что не может заметить другой.

Но не суждено было подержать в руках эту книгу, ставшую последней. Петр Коваленко не дожил до своего 90-летия ... С Петром Павловичем мы были знакомы давно. Он многие годы своей жизни активно сотрудничал с «Сибирским хлеборобом», поэтому отлично знаю, как тщательно он работал над поэтическим словом, бывало, вслед отправленной по почте рукописи звонил и просил исправить ту или иную рифму, ему казалось, так звучит лучше.

Всякое бывало у нас с ним во взаимоотношениях. Поначалу он обижался на меня, когда газета печатала стихи новых авторов, которые только начинали свой творческий путь. Ему казалось, что они не так пишут, допускают ошибки в стихосложении. Но потом столь

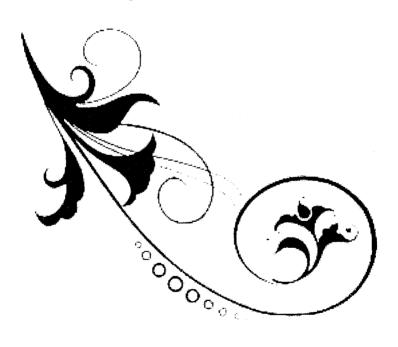
ревностное отношение к молодым коллегам прошло, и впоследствии он не один раз высказывал положительное мнение о том или ином авторе. С некоторыми из них встречался лично и давал советы. Как надо писать стихи, как оттачивать каждое слово, чтобы оно звучало звонче и четче.

Казалось бы, откуда у Коваленко этот дар божий, дар поэта? Выросший в нищете в многодетной семье, прошедший от начала и до конца ад войны, не единожды ранен в боях, он с детства взращивал в себе этот талант и не расплескал потом, хотя жизнь била его хлесткими розгами. Но на то он и талант...

Нет Петра Коваленко с нами, но уверена, что его творчество будет изучаться в школах, его стихи будут читаться со сцены, потому что в них правда жизни, в них любовь к Родине, к природе, в них то, что мы не всегда можем выразить словами.

Татьяна Мацигина, гл. редактор газеты «Сибирский хлебороб»

РАССКАЗЫ

ПУХОВАЯ ПЕРИНА

(Рассказ из жизни охотника)

Быстро идёт время. Не заметил, как наступила третья декада мая. Перелётная птица, подкрепившись в Причулымье, улетала на север. Но ещё оставались табунки гусей. Накануне ко мне вечером зашёл брат.

- Давай ещё позорюем на гуменников, - сказал он. Хороши они сейчас. Откормились.

Меня упрашивать на охоту не надо.

На следующий день, после обеда, мы с ним были уже на болоте.

Был хороший ясный день. Весна торжествовала. Зерновые уже отсеялись, травы бурно шли в рост. Земля нежилась. С гор бурно в пойму к реке неслись потоки-ключи. Пойма расхлестнулась на всю ширь. Просматривая её в бинокль, я увидел на кочковатой стрелке днёвку гусей. Они мирно отдыхали, не опасаясь ни хищников, ни охотников. Окружала вода и заросли камыша, трясины.

Мы незаметно подъехали к ним не ближе полукилометра, остановились в тальнике ожидать, когда птицы полетят на кормёжку.

Я прилёг отдохнуть, предупредив брата, чтобы он не стрелял – иначе спугнутый гусь на прежнее место не придёт.

Только задремал, грохнул дуплет.

Какой-то горе-охотник подплыл с другой стороны, не ближе, чем мы, от гусей, решил спугнуть птицу с днёвки. Думал, что она, мечась по болоту, налетит на него. Но гуси с криком полетели в другую сторону.

Раздосадованные, мы подплыли к кочковатой стрелке, где только что были гуси. Выбора не было. Решили ожидать вечернего прилёта.

Подул холодный ветер. Небо затянули снеговые седые тучи. Пошёл хлёсткий холодный дождь. По борту лодки застучала крупа. Вода кругом поднимала тёмные гривы. Наступили сумерки. Вот-вот настанет темнота. На нашей низкобортовой двухместной лодочке не выплыть.

Холод стал всё пронзительней. Мы были легко одеты. Придется ночевать.

Я стал на одном конце стреи (гривы, возвышенности), брат на другом.

Лодки приткнули в кучку камыша. Почти в темноте мне удалось двумя дуплетами взять четырёх гусей. Они упали ближе к потоку ключа. Я бросился к лодке, надеясь взять добычу. Но лодки в камыше уже не было.

Она качалась на волнах метрах в сорока от меня.

Я, не долго раздумывая, что будет со мной, в чём был, бросился к ней. Вода захлестнула за ворот.

Окоченевшими руками ухватился за борт. Не буду описывать подробности. Это было ужасно. Всё же я взял добычу и выбрался на стрелку (на кочки). Они тоже были залиты волой.

Снег лепил лопухами. И я, и брат были мокрые до нитки. Сколько бы мы вытерпели так? Не знаю. Мы становились стылыми сосульками. И я вепомнил о гусях.

- Брат, тереби добычу!

Он не понял меня.

Зачем?

Но увидев, как я толкаю под мокрую рубаху перо, стал делать то же самое.

Помогая друг другу, мы превратились в пуховики.

Гусиное перо спасло нам жизнь. Мокрая одежда к нашим телам не приставала. Мы согрелись. И, обнявшись в лодке, несмотря на скверную погоду, крепко уснули.

Проснулись – солнце золотило вершины ракит на рёлке (сухой возвышенности).

ЛИСИЦА В ДУПЛЕ

Охота — искусство. Она так же разнообразна и увлекательна. Познаёшь, открываешь её тайны — познаёшь себя. В этом я убедился в который раз, тропя лисиц.

... Выпал долгожданный первый мягкий снег. Щедро укрыл все неровности земли. Только каждый след отпечатал чётко-чётко до когтей.

До ближайшего косогора, откуда я часто наблюдал за выходом лисиц в поле, я подошёл легко и быстро. Освежённый снегопадом воздух бодрил тело. Стояла цепенеющая тишина. Даже молчали крикливые вороны. Озирая в бинокль распахнувшееся вблизи поле, я увидел рыжую красавицу. Она мышковала. Бороздя носом мягкий снег, вдруг подпрыгивала вверх и, коснувшись земли, держала в зубах добычу. Но есть её не стала. А, чуть прикусив, опускала на снег, и охота продолжалась.

- Лисица сытая, - подумал я. - Такая не скоро пойдёт на лёжку.

Лисица охотилась, а я лежал в снегу. Пробовал медленно ползком подобраться к ней. Но каждое моё движение, как по проводу, по земле улавливала рыжая, и я останавливался.

Она уже наловила две кучки мышей и, довольная, уселась между ними. Потом, как испуганная, быстро побежала к болоту.

Пора и мне разогреться — снег не греет. В болоте взять лисицу трудно — укрытий много. В начале поймы рыжая шла по верху, перепрыгивая с кочки на кочку. И куда-то нырнула. След оборвался. Куда пошла? По моим наблюдениям, лисы в таких укрытиях направления меняют часто.

Я стал челновать, сворачивая то вправо, то влево. Изрядно устал. И почти у протоки боковым взглядом увидел

красавицу позади себя, вне выстрела. Лисица не торопясь потянула к таёжке. Она, как и я, утомилась. По лесу я бродил за ней до заката. Почему она не залегла на дневной сон? Видно, подшумел я.

В таёжке тропить стало ещё трудней. Снег совсем размяк. С веток капли катились мне за ворот.

Обколесив по следу всю таёжку, наверно, три раза, я подошёл к старой поваленной лиственнице. Обломанными сучьями она вершиной упиралась в мох, а ствол, зацепившись за пень, ещё висел.

След нырнул под рогулистую крону и... потерялся. Я дважды обощёл поваленное дерево - пусто. Куда делась лисица? Раздумывая, решил завтра начать поиск беглянки. Меня интересовало, где она замаскировала след?

Передохнув на полулежащей лиственнице, пошёл домой. Обходя корневище, увидел две сверкающих зелёных звёздочки. Они будто висели в воздухе. Да это же она в старое дупло забралась! Как же я сразу не догадался? Ведь я знал это дупло. Какая умница! Памятливей меня оказалась! Живи! Больше я тебя не потревожу. Надо и нам, охотникам, кое-чему у природы учиться.

Домой я шёл хоть и с пустой сумой, но душа была наполнена радостью за счастливую красавицу.

КРЯКАШ

Любил я осенние зори проводить у затерянных в камышах небольших озёрах. Охотники туда добираются редко и рыбаки не заглядывают. Любуешься красотами природы, и на душе тепло. Жить хочется.

Подойдя к давно мною сделанной скрадке, я увидел на пеньке талины сапсана. Он не заметил меня. Его взгляд был устремлён в тускнеющее небо, где, предчувствуя надвигающуюся ночь, мелькали табунки уток.

Солнце уже село за степной косогор, но его золотые лучи ещё переливались радугами по тёмно-синей поверхности озера, дробились и гасли в пучине вод. От прелестей природы меня отвлек резкий, пронзительный свист. И на плёсе передо мной упало что-то чёрное.

Крякаш! Вот так охота, без выстрела.

Я не потянулся к ружью. Крякаш, опомнившись от испуга, встрепенулся, оправил крылья и замер, увидев меня. Но убедившись, что я неподвижен, поплыл к берегу, забрался в десяти метрах от меня в камыш.

Как я был рад, придя на вечернюю зорьку к заветному озерку, когда на закате солнца увидел взлетевшего крякаша. Ещё больше был удивлён его возвращеньем с кормёжки на ночь в ту же заросль, где нашёл укрытие от хишника.

Я приходил туда ещё не раз. Стрелял и топтался в скрадке. Крякаш сидел почти рядом, не подавая о себе никаких признаков. А на кормёжку вечером штопором поднимался вверх, потом нырял на прежнее место.

Улетел он на юг с пролётной стаей, когда ледок стал сковывать озёра.

- Счастливого пути, удачник! – прокричал я ему вслед. Не всегда так бывает – раз за разом ускользнуть от двух смертей.

БАРСУЧАТНИК

Скрытый зверёк барсук (автор произносит как «бОрсук».) Редко кто похвалится, что видел его. Днём отлёживается в норе. Выходит из неё только в тёмных сумерках, ночью. И не выходит, а вылетает, как ошпаренный. Поэтому охотятся за ним немногие, а кому надо подкрепить лёгкие. Но жил в нашем посёлке охотник, который назвал себя барсучатником. Для подтверждения этого звания носил грубо спитую шапку из серой шкуры и такие же серые штаны.

Среди сельчан бахвалился: «Я серого и руками поймаю».

Собирая клубнику на отдалённом поле, наткнулся Никифор на свежевырытую нору. Как только солнце склонилось к закату, барсучатник при полной своей форме с двуствольной старенькой тулкой поспешил к найденной норе. Попутно на меже наломал пучок бурьяна для маскировки.

Сумерки сгущались. Кругом девственная тишина. Земля благоухает запахами трав, притаёнными звуками и шелестами.

Усевшись у норы поудобней, охотник стал ждать добычу. Рассыпанная по небу морошка звёзд навевала раздумья. Истома взяла своё. Уснул Никифор. Да так сладко, аж слюнки потекли.

Вдруг сильный рывок вперёд... Никифор цепляется за клочки травы и катится с яра вниз. И выстрел за выстрелом прогрохотали почти у изголовья засони - охотника. Глыбы земли и клочья травы осыпали перепуганного добытчика. Стрелял, запутавшись в ремнях, по распластанному неудачнику барсук.

Кое-как очухавшись, поднялся на ноги. Ни шапки нет, ни штанов. Слезли где-то на поле, и главное, ружьё барсук унёс.

После долгих поисков тулку нашёл. А штаны и шапка как в нору канули.

Надо домой до света добраться. Увидят такого люди – стыда не оберёшься.

Жену беспокоить не стал. Завалился в бане на тёплые полки. И проспал до обеда.

А вечером соседка Устья принесла Никифору серый свёрток одёжки.

- Хитрый вы, Никифор Степанович, охотник. Сам дома, а штаны и знаменитую папаху оставил на поле ягоду собирать.

И ехидно смеётся.

- Это не мои грязные шмутки, - заикаясь, процедил сквозь зубы Никифор. И швырнул свёрток на навозную кучу. — Моё всегда при мне. Если сомневаешься - приходи вечером, убедишься сама.

С той поры знаменитый барсучатник не форсил вечерами в известной всему селу барсучьей серой шапке и в таких же серых штанах.

Перевелись у нас настоящие охотники.

<u> Лворчество Причулымья</u>

жадность и доброта

Ноябрь порадовал обильным снегопадом. Пушистый, как вата, снег заровнял ухабы и трещины земли. Нарядил в пышные песцовые шубы рощи и колки, накрыл праздничными скатертями поля и луга и встревожил сердца охотников. Начался переход козы из тайги в степные просторы.

Ко мне защёл знакомый сельчанин. С порога спросил:

- Собираешься покозовать? (в те времена, после войны, охоту не ограничивали запретами и разными разрешениями. И зверя, и птицы было больше, чем сейчас). – Поедешь, так возьми меня. Веселей будет.

Я согласился. Через два дня поздно вечером мы приехали на подтаёжную пасеку.

У горного ключа, прижавшись к заросшему кустарником косогору, приютилась крестьянская изба. Над тесовой крышей курчавился сизый дымок. На лай собаки вышел хозяин.

Мужчина высокого роста, с открытым крестьянским лицом спросил: «С ночёвкой?» - «Если примете». - «В лесу дом всегда всем открыт. Пожалуйста! Для знакомства зовите меня Иван, а хозяйку Мария». И улыбнулся.

- Есть такой цветок Иван да Марья. Вот так и мы живём в сторонке, не мешая людям. Как и лесной красавец.

Хозяин для ночлежки коню открыл пустой омшаник.

- Здесь ему будет хорошо. А вы проходите в хату.
- И, распахнув широко дверь, пропустил нас вперёд себя в избу.
- Принимай, хозяюшка, гостей по таёжным законам! А вы раздевайтесь, и за стол.

Иван широко распахнул руки.

Мария уже хлопотала у стола. На большой тарелке

золотился мёд. Сверху ломти восковых сотов. Нарезанные с румянцем калачи.

Ужин был вкусный и оживлённый. Видно, на пасеку, в отдаление, редко кто заезжал. Отгороженные от мира хозяева скучали по людям и при встрече с нами оживлённо выговаривались...

Уснули только к полуночи.

На охоту вышли, чуть засветилось небо.

Наступающее утро было чудесное. Окутанное всё белым саваном цепенело в безмолвии. Мягкий пушистый снег глушил звуки.

Зима причудливо нарядила каждый куст, каждую веточку. Как нарядно, роскошно нафасонилась снегурка. Даже бусы-кораллы чуть ли не до пояса распустила. А чуть тронь - запуржит, осынется.

Да это же рябинушка тропинку сторожит. И пересскает нам путь шнурок следов, чётко отпечатанных в глубоком снегу.

Только что прошли три козы. Следы спокойные, не гонные. Возвращаются в лес с ночных кормёжек на полях. Сейчас они где-то здесь, потянулись на лёжки.

Я беру след. В горах лес реже. Для карабина обстрел больше. Андрей пойдёт низиной. Здесь кустарники гуще и больше возможности подойти к цели с одноствольной тулкой.

Зимний заворожён лес снегом, кажется так что однообразен, настолько неописуем. К вам тянутся лапы, каких вы никогда не видели, крылья белых журавлей. И у раздвоенного пня два каких-то непонятных столбика. Не прикрывая бинокль белым рукавом, спеша, стал рассматривать. Ни движенья. Уже поднял ногу хворостину, переступить столбики как заметил качнулись.

Коза! Выстрел. Две косули метнулись наискось вниз. Бью вдогонку. Задний козёл осел и скрылся за бугорком. Раненого подобрал Андрей.

Выстрелы спугнули ворона. Сердито прокаркав, он низко над лесом пролетел в распадок.

Замаскировав добычу, я, как было условлено, пошёл охотой к намеченной ночёвке, к избушке лесорубов, сделанной лет восемь назад. Выпавший накануне обильный снег затруднял движения.

Шёл медленно, ощупывая носками каждый шаг.

Однообразие красок, каким бы оно ни было, затупляет остроту, интерес, смещает краски и оттенки. Белое безмолвие не исключенье. Я почувствовал: устаю. Но присаживаться не решился - потный, ещё простыну. Никаких следов пе находил. Коза или прошла, чуя большой снегопад, или ещё в тайге.

С обеда небо стало покрываться тучками, в лесу зарябило, и неожиданно налетел ветер.

Лес закачался, как зыбки. Вороха снега посыпались на землю. Снегом пронзило всё насквозь. Видимости никакой. Сплощной морок. Тонкий халат намок, стал застывать, коробиться.

Зацепившись за сук, я силился отцепить полу. И чуть не наступил на медвежий след. Свежий, только-только прошёл. Я вздрогнул. Находка насторожила меня. Может, как я, медведь был на охоте и не успел лечь в берлогу? Значит, он где-то близко. А если шатун? След крупный, двумя ладонями не закроешь.

Добрёл до избушки в густых сумерках, обледеневший от макушки до пят, как сосулька. И наверно, бы прошёл мимо, если бы не рокотание ключа, который был рядом с ручьём лесников. Избушка была завалена снегом.

- Наконец-то, - вздохнул я с облегчением. — Ночлег есть. Волна радости обласкала тело. Но радость была преждевременной. Кто-то вырвал у двери верхний шарнир и она, как подстреленное крыло птицы, перекосившись, повисла.

Андрея в избушке не было. Ещё не пришёл. Как он сейчас мотается по лесу? Всё может быть, тайга рядом. А в тайге каждый пень медведь. Надо оглядеться. Рукой коснулся кармана, нащупывая спички, - пусто. Жена стирала гимнастёрку и НЗ-спички убрала. Подождём Андрея, он курит. Наощупь нашёл лежак из неотёсанных жердей. Пучок растеребленной травы. На столе пусто. Железная печь забита сухостоем.

Эх, затопить бы! Попытался поставить дверь на место никак. При косине и внизу, и вверху дыры по рукавицы. Ветер со свистом врывается в щели. По телу озноб. В душе тревога. Топчусь на месте, чтобы хоть как-нибудь согреться. И замерзаю всё больше и больше. Подходил тяжело к двери, слушал пересвисты, рёв бурана, надеясь что-то услышать, шаги, крик напарника.

В лесу трещал сухостой и сотни голосов стихии коробили моё застывшее тело. Эта ночь напомнила мне ледяные фронтовые будни в снегах и в крови.

- Терпи, охотник. И до боли кусал губы. Думал, утра не дождусь. Дождался! Брёл к пасеке, сгорая от жажды. Казалось, в груди кто-то раздул костёр и в глазах языки пламени. Глотаю горстями снег и всё больше разжигаю жар. Сколько раз падал. Вставать уже не хотелось. Но сам себе, как перед атакой, приказывал: «ВСТАВАЙ!» И, чертя носом снег, поднимался. Шёл навстречу жгучему северному ветру. А как полз - не помню.

Вот что я узнал после.

На тревожный лай собаки из избы вышли хозяева пасеки. Увидев лежащего на снегу, занесли в комнату к чугункевремянке. Всполошились. Я был обледеневший, бесчувственный, всё лицо обледеневшее. Сняли всё донага и, как ребёнка, стали поить горячим, из русской псчки, молоком. Обтирать и натирать барсучьим салом.

Иван натирал широкими ладонями грудь, спину. Вливали в рот настой малины с мёдом. Поили, поили и снова тёрди. Я из застывшей ледяшки стал пылающим костром. Жаром пылала грудь, голова — кипящий котёл. Надев на меня тёплое бельё, подняли на русскую печь и два дня, две ночи не отходили от меня ни на шаг.

- Чуть-чуть парень не окоченел. Отдышался. Но лёгкие крепко шатанул. Видно, крупозное воспаление. Придётся хорошо полечиться, сказал Иван.
- А где Андрей? спросил я.
- Твой напарник после того, как вы ушли, прибежал. Торопливо запрёг коня. Сказал, что вы добыли двух коз и уезжаете домой. А ты как в беде оказался?
- По уговору в избушке... его ожидал... искал...

Добрые чужие люди Иван и Марья спасли меня от верной смерти. А напарник-охотник, забрав мною добытых коз, на коне, которого я взял в хлебопункте, плюнул на все договорённости, бросил в страшную непогодь.

С тех пор Андрей, увидев меня, трусливо убегает.

Пусть живёт. Я не стану пачкать руки трусом.

Я верю: есть люди добрые, щедрые. На них держится земля.

Жаль, от бронхита никак не избавлюсь.

КРЕСТНИК

Ноябрь начинался снегопадом. Тихо, как хлопья ваты, молча покрывали ещё местами зеленеющую землю, роняли с деревьев как-то держащиеся пожухлые листья.

В такую пору в наших местах, в предгорьях Саян, начинается переход козы. В тайге он выпадает и раньше, и глубже.

Коза по окраинам из глухомани лесов в поисках корма идёт и поодиночке, и табунками в малоснежные открытые степи Хакасии, часто задерживается в лесостепи, в зарослях камыша и тальника.

- Пора, Пётр, на переход подаваться. Коза тронулась. Если снег будет так идти, за неделю проскочит в степь, опоздаешь.
- Понятно, ответил я. С тобой поеду.

После обеда мы тронулись в путь. Надо проехать около 60 км по распущенной полевой дороге, с косогора на косогор. Дальняя дорога, и погода неизвестно какая будет. Я надел козлиную шубку — и лёгкая, и тёплая. Мой напарник был одет по-зимнему: фуфайку накрывала новая доха из собачьих шкур, шапка-ушанка, тяжёлые кожаные сапоги.

Пара рыжих кобылиц вначале взяла ходко. Но на втором перекате (косогоре) перешли на шаг.

-Давай облегчим лошадок, - сказал хозяин (звали его Анатолием). – Ещё много им тянуть.

Я вылез из кошёвки в чём был одет, оставив поклажей карабин, ружьё и все охотприпасы. Анатолий бойко спрыгнул в полном зимнем комплекте. Положив под

козырёк кошевы полевую сумку, как я узнал потом, с деньгами — полученной на весь коллектив завода зарплатой. Почувствовав облегчение, кобылицы ускорили ход, а на спуске побежали. А вслед за ними и мы. Анатолий окликами пытался остановить взбодрившихся лошадок. Но они, услышав его голос, ускорили прыть. И. перемахнув через ложок, разом взлетели на косогор и вскоре скрылись за ним.

К вечеру солнце вызрело, потеплело. Снег размяк, смешался с грязью. С нас ручьями побежал пот. Мы задыхались. Мне казалось, я сейчас упаду. А как было ему в полном комплекте зимней одежды?!

Посреди косогора Анатолий, покачнувшись вперёд, махнул рукой, остановился.

- Беги не беги, дальше тюрьмы не ускачешь. Там ведь зарплата всему заводу. Люди меня ждут, а я растрепался... Ясно, понял свою вину. Без меня он бы сейчас вразвалку ехал к дому.

Лошадей наших задержали в попутной деревне, и всё было в сохранности. Анатолий, убедившись, что деньги целы, достал пачку пятирублёвых:

- Вот вам, мужики, за доброе дело. Спасли вы меня от Колымы.

Мужики не взяли, не позарились на крупный подарок:

- Как же мы вас обидим. Вы же для всех старались. И мы опибаемся.

Когда мы проезжали последнее село нашего назначения, сгущались сумерки, зажигались огни. Они казались золотыми паучками, скользящими по паутинам тумана

вслед за нами. Справа зачернели горы. До завода было ещё далеко. Дорога стала круче. Подъезжая к лобастому косогору, на который кони поднимались внатуг, мне вспомнилось дорожное приключение. И как стрелой прожгло мозг. Ведь я виновен в происпедшем. Анатолий один не слезал бы с дрожек. Подбадривал бы рыжух окриками. Чуть человека безвинного на Колыму не упёк.

- Останови, Анатолий, лошадок, я слезу.
- Зачем? хрипло спросил он.
- Вон видишь, внизу огонёк? Значит, там есть люди. Дадут охотнику местечко у огня. И места здесь хорошие для охоты. Крупный березняк, справа хвоя начинается. Будет здесь коза.
- Как хочешь! Счастливой охоты! тронул рыжух.
- Заезжай, когда будешь. Вспомним о своём беге...

Я стал спускаться вниз к огоньку. В темноте было слышно рокотанье горного ключа.

В загоне гуртилась отара овец. Две собаки злобно преграждали дорогу, но видя, что я их не трогаю, успокаивались.

Крестьянская изба и отара снаружи освещалась одной электролампочкой. Я постучал в дверь. Никто не ответил. Зашёл в избу. Возле раскалённой чугунки сидел мужчина с трубкой во рту. На моё «здравствуйте!» он, не торопясь, повернулся и боком, кося, пытливо поглядел на меня прицуренными глазами.

- Можно у вас ночь покоротать? На улице холодно.

Опять молчанье.

Поперхнувшись, наверно, затяжкой дыма, торопливо вышел из избы.

Мне выходить было некуда.

Почти посреди избы, на пружине, висела зыбка с маленьким ребёнком. На кроватях копошились дети, поблёскивая любопытными глазками. На русской печке солидная женщина в нательном белье кормила грудью такого же малыша, как в зыбке.

Я снял дошку и вместе с оружием положил в угол возле выхода. Достал из походного мешка ужин и конфеты. Дети радостно расхватали гостинцы. В кружку набрал воды. Спросил хозяйку:

- Согреть чай можно?

Она молча утвердительно махнула мне рукой.

Поужинав, утомлённый трудной дорогой, я завернулся в шубку и уснул крепким сном, каким, наверно, не спал никогла.

Проснулся от боли в груди. Кто-то плотно прижимал меня к полу. Открываю глаза. Передо мной милицейские погоны знакомого земляка-охотника. Он приподнял меня за плечи. Кряжистый мужик, сжимавший мою руку, разжал пятерню.

- А нам спать не дали, пробасил он. Бандит из тайги вышел. Вооружён и кинжал по полу таскается.
- Так вы все уши прожужжали, оправдывается Карп, гляди, кто из тайги выходит. Вот и вышло.
- Ты прости уж меня. Ошибка вышла. Мы её поправим. И вынырнул за двери.

Хозяйка назвалась Катей, положила в зыбку малыша, поставила на стол большую семейную сковороду с жареной печёнкой. Вскоре вернулся Карп с трёхлитровой бутылкой.

<u> Пворчество Причулымья</u>

- Надо отметить. Позавчера мне жена подарила двух сыновей, сегодня революционный праздник и столько гостей.

Когда выпили по первому стакану свекольной сивухи, Карп, обняв меня доверчиво, горячо спросил:

- Дети у тебя есть?
- Две дочурки.
- А сына хочешь?
- Какой отец не мечтает о сыне? ответил я Карпу.
- Так я тебя с мальчиком поздравляю! Будь крёстным отцом моему сыну. Хороший малыш родился, крепыш.
- Спасибо, Карп. Разве от такого дара отказываются?

Я обнял Карпа, и мы по-фронтовому обнялись.

Зазвенели стаканы и сердечные поздравления.

Растроганная мать поднесла ко мне ребёнка.

- Так поцелуй. Гляди, он смотрит на тебя.

Я поцеловал в горячий лобик. Малютка даже не вздрогнул.

- А как звать будем?
- Сашей назовём. Александром.

Празднование длилось далеко за полночь.

Крестник Александр, отучившись в школе, окончил сельскохозяйственный техникум, стал лесником.

И вся семья оказалась трудолюбивая. Братья, объединившись, выстроили каждому по дому. Создали фермерское хозяйство. Растят хлеб, скот любят, пчеловодство, воспитывают детей.

И крёстного отца не забывают: то черемши охапку привезут, то кузовок груздей или пахнущие тайгой соты.

КАТЯ

Сентябрь подходил к концу. Закруглялась страда. Но коегде курились ещё дымки палов - догорала стерня. Попрежнему работы в деревне хватало. Свозили с лугов к фермам корма, сочную подкормку. А погода уже менялась. Хлёсткий ветер срывал с веток деревьев побуревшую листву. Потянулись на юг перелётные птицы, тревожа расставанием сердца, навевая грусть... пробирались заморозки, к утру бережняки тихих заводей поблёскивали зеркалами первого ледка. Только поднятые пары куржавились, а к полудню парили. Ночами всё тревожнее слышались переклички улетающей птицы. Я люблю эту охотпичью пору.

Моя подсадная утка Катя тоже забеспокоилась. Чуть свет – крякает, будит хозяина. Выбрав свободное время, мы с ней забрались в самую глушь болота. Туда, кроме меня, пока никто не подходил. Заметив нас, стайка уток, нехотя взлетев, скрылась за камышами. Плескаясь и ныряя в серебре озсра, моя подсадка, не переставая, звала на свой кружок диких подруг.

Охота была отменная, запоминающаяся. Я уже собрал и уложил в рюкзак добычу и стал подплывать к неугомонной помощнице. Обычно, увидев приближающуюся к ней лодку, утка подплывала к борту, а иногда и сама запрыгивала в неё. Теперь же Катя, наоборот, отплывала от лодки. К моему огорченью, она скинула с лапки размокшую в воде привязь и, почувствовав свободу, моя умница запорхала по озерку. Как я её ни манил — бесполезно. Я радовался её свободе, но и какая-то горечь обжигала сердце. Застрелить? Не хватало мочи. Оставить

<u> Пворчество Причулымья</u>

на добычу коршунам? А по берегам шарятся хорьки, пронырливые ловкие лисицы. Где ей, потерявшей навыки дикой утки, выжить здесь?

Трудно было мне оставлять верную до сего дня Катю... С полным рюкзаком дичи и пустой душой добрался я домой. Потянулись дни, часы терзаний. Я не мог нормально ни есть, ни спать. По ночам слышались её крики — то тревожные, то призывные. Измученный думами и бессонницей, я встречал день помятым.

— Успокойся! - утешала жена. - Не так и велика потеря. Корова ногу на выпасах сломала — ты так не переживал. Есть же у тебя другая подсадная.

По ночам уже по-зимнему завывал ветер. Октябрь. То крупа, то пороша больно секли душу. Чуть рассвело, я был уже в пойме. У первого озерка услышал тревожный крик Кати — она призывно манила к себе подруг. Был холодный утренник. Ветер трепал бронзовые камыши, как мстёлки ковыля.

- Катя, моя малютка! Живая!

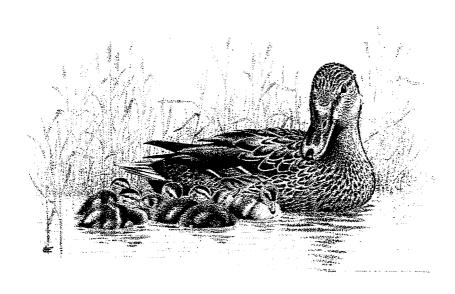
Увидев меня, утка бросилась к берегу. Я стал манить её, рассыпая по воде корочки хлеба. Она жадно глотала их, а от меня отплывала. Я кружился по озерку, а моя непослушная помощница увёртывалась, быстро отплывала в сторону, перелетала из одного угла в другой. Пытаясь удержать её при полёте, я резковато махнул веслом и угодил беглянке по шее.

Катя упала на воду, безжизненно раскинув крылья. Я взял несчастную на руки. Какая она лёгкая, выхудала. У меня защемило сердце. Всё тело налилось тяжестью, в глазах закружились радуги. Я заплакал. Сам, весь израненный на

войне, похоронивший в воронках и в братских могилах многих близких друзей, переживший столько операций, плакал над случайно убитой уткой.

Туманно помню, как доехал домой. Открыл садок и не поверил своим глазам. Катя сидела, поджав к истощённым бокам крылья, посматривая на меня синими бусинками глаз. Радость-то какая!

Она пожила у меня ёще два года, вывела два выводка шустрых утят. И однажды, выйдя с последней семейкой на лужайку, куда-то исчезла. Оставив о себе трогательную память.

СЛЕПОЙ УТЁНОК

Рассказ-быль

Лето было в разгаре. Дожди прошли вовремя. Хлеба и травы дружно вышли в рост. Зерновые отколосились. Травы выбросили метёлки. Наступила сенокосная пора. Кое-где по берегам речки, на островках показались шляпы копён. Через день и я пойду в ложок, начну косовицу костра. А сегодня ещё можно отдохнуть перед горячей страдой, порыбачить.

День только начинается. Рассвело, но заря ещё не показала золотой гребень из-за сутулого степного пригорка. Иду знакомой тропинкой к ближнему озеру половить карасей. Любят они покормиться на зорьке.

Густой волнистый туман осыпает поля и луга зернистой росой, парит. По золотой глади озера плавают чёрные шарики-гагарята. Гордо подняв золотые венчики на остроносых головках, они, не боясь меня, щиплют водоросли, клюют ещё незатвердевшую ряску.

Я, выбрав удобное место на берегу, закинул леску в заводь. Розоватый, очищенный мхом червячок растревожил рыбное царство. Поплавок поплясал по кругу и потянул к водорослям. Подсечка – и в моих руках красавец амурский карась. Не вмещается в ладошке. Каждая чешуйка – как серебряная монета. Обновляю наживку, и поклёвка началась...

И, наблюдая за поплавком, я боковым зрением увидел: вдоль берега раздвигаются стрелки воды. «Ондатра плывёт», — подумал я. Но ондатра плавает быстрей. Я притаился в камышах.

Ощупывая берег клювом, как незрячий ощупывает тропинку тростью, ко мне медленно плыл утёнок. Срывал

<u> Пворчество Причулымья</u>

нависшие травинки и, останавливаясь, тяжело глотал их.

Почему он не питается водорослями? Вон какие выросли,
 в двух метрах от берега. Уже ряска высыпала – гагариное просо.

Я поставил ладонь к берегу. Утёнок, ткнувшись в мою руку, испуганно вздрогнул, чуть попятился и, отряхнувшись, опять стал обрабатывать берег.

Я передвинул ладонь дальше, и повторилось то, что я пережил. Я изловчился и поднял утёнка на берег. Он был уже не пуховик, жёлтое перо нарядило грудь, оно топорщилось по бокам, и только спина чернела пухом.

Это была кряковая самочка, как я думаю, позднего вывода. К Петрову дню линяющие крякаши уже поднимаются на крыло, а этот в росте отстал.

Утёнок бился у меня, как мог. Царапал коготками, пищал. Широко открывая клюв, крутил головой с мутными испуганными глазами. Утёнок был слепой.

 Что делать? – думал я. – Отпустить на озеро – его подберут хорьки или лисицы. Или сгинет с голоду.

Я посадил несчастного птенца в садок и быстро пошёл домой.

Я нёс домой пленённого утёнка бережно, прижав к груди. Он вначале беспокойно бился, но, пригревшись, затих. Для новосёла вытащил из кладовки материн сундук — ящик, окованный жестью, подаренный ей на свадьбе для накопления богатства. Богатства она в него не наложила, а вытрясла, что было девичье, общивать детей. Потом ящики вышли из моды, он стал ненужным, и так кстати пригодился.

В жаровню налил воды, накрошил хлеба, насыпал пшёнки. Но утёнок на все угощенья не обращал внимания, стучал плоским клювом по фанерным стенкам.

 Успокоится, – подумал я. И, накрыв ящик решетом, ушёл в избу.

Вечером, когда я решил поглядеть, как ведёт себя мой подопечный, увидел его сидящим в жаровне. Видно, голод и жажда натолкнули птенца на воду и корм.

Я назвал её Машей. Она быстро привыкла ко мне. Стала брать корм с ладони. Когда приходил покормить или присмотреть, вставала и пыталась крякать.

дичку соединить решил c выволком ломашних подсадных уток. Выпустил во двор на полянку, где по прогуливались табунком подсадные. Селезень пополнение принял весело. Стал даже ухаживать, но дикарка сторонилась. А парунья-утка взъерошила перья и с Машу. бросилась на Пришлось прутиком угомонить хозяйку.

Но непонимание птиц друг друга было недолгим. Через три дня все сидели на травке одним табунком. Только мнс было трудней подкармливать слепую Машу.

Зимовала Маша со всеми в избушке. Она выросла. Стала больше подсадной. И крик, голос у дикарки был громче и грубее.

– Какая хорошая будет подсадная, – радовался я.

Весной, когда уже зазеленела травка и солнце нагрело снеговые лужи, утром, выпуская корову в стадо, моя жена выпустила из ограды и уток. Вскоре и я вышел в ограду, увидел открытый курятник и выпущенных уток. Побежал к лыве. Подсадные весело плескались в воде. Мапіи с ними не было. Я стал искать её в округе. Проходящая соседка окликнула меня.

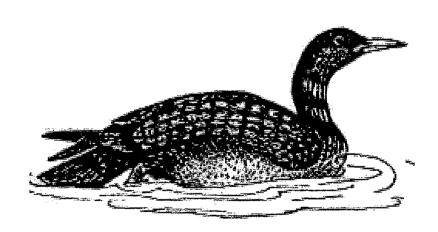
— Не ищите Машу. Я сама видела: летела стайка диких уток, кричала. И ваша вначале побежала, а потом и полетела вслед за ними. Но, кажется, упала. Вон там посреди улицы ребятишки толкутся.

Я прибежал к указанному месту. Кучка детворы кружилась возле погибшей птицы. Девочки плакали.

Она лежала на земле, вытянувшись, как струна, вперёд. И незрячие мутные глаза не успела закрыть. Вещий зов земли и неба, матери-природы всколыхнул всю её душу. И она, послушная его зову, полетела. Но тело не вынесло нагрузки, остановилось сердце, и она упала в зарю...

Я поднял несчастную птицу. Она была ещё тёплая. Но я ей ничем не мог уже помочь.

После сожалел: почему не подрезал ей крылья? А надо ли было? Свобода дороже всего.

новогодний подарок

Воспоминания

Пятьдесят три года назад лето в Красноярском крае было засушливое, жгучее. Засуха охватила многие районы, особенно степные и Хакасию. Не минула и Ужурский район.

С мая до вторых Петровок выпал один дождь. Травы на лугах зачахли. А поголовье скота и в совхозах, и у частников возросло. Пережив долгую голодовку, почти все сельчане старались иметь корову, растили овец, свиней, птицу. А чем кормить их долгую зиму? Где брать корм?

Этот вопрос был поставлен на сессии Андроновского сельского Совета директором совхоза Михаилом Петровичем Макаровым.

На сессии было решено: по пойме речки Сереж, где возможно, дать участки косовицы частникам — работникам совхоза, а для совхозного скота заготавливать сепо в Шарыповском районе, в горах. Там по тайге дожди проходили, травы есть. Правда, по косогорам, между деревьев, но пока ничего лучшего нет.

На третий день утром к станции подошла грузовая машина-трёхтонка.

- Кто поедет на покос в тайгу? Садитесь в машину! Двадцать минут на сборы! - крикнул из кабины шофёр.

У меня коса была всегда наготове. Взяв ещё запасную, отбой, молоток и продукты, я поспешил в машину. Пришли ещё начальник станции Севастьян Иванович Мартынович, дежурный по станции Пётр Михайлович Муханов. К нам примкнули механизаторы совхоза Афанасий Беляев и Марк Прокопьевич Малахов. Всего в двух машинах разместился 21 косарь.

В тайгу приехали во второй половине дня. Расположились у горного ключа. Звеньевые пошли узнавать участки косовицы. От нас пошёл самый видный, Афанасий.

Разложили костёр, очистили места для ночёвки. Уже в темноте услышали гул мотора. Приехал директор совхоза Михаил Петрович. Привёз кому одежду, кому переданные продукты.

Хотел приехать засветло, осмотреть с вами участки. Да припозднился.

Утром начали косовицу поляны, по которой то тут, то там нам дорогу перекрывали сосны. Обкашивали их. Закончив второй прокос, я сказал старшему по возрасту Марку Прокопьевичу:

- Узковатые ряды выходят.
- Так всегда косим, ответил он.
- Всегда в степи. А здесь травы мягче. Режутся легче. Надо размах увеличить. Ручки сантиметров на двадцать полнять.

Марк покрутил головой:

– Пробуй.

Я перевязал ручку и так же легко, как прежде, начал косить, не чувствуя прибавленной тяжести. Напарники мои, видя, как я кошу, последовали моему совету.

К закату солнца мы закончили косовицу двух мысков между косогорами.

Вечером опять приехал Михаил Петрович.

- Ну, как идёт сенокос? спросил он совхозного бригадира.
- Подвигаемся помаленьку. Вон железнодорожники почти двухдневную норму выкосили.
- Как они вас обставили?
- А вы у Беляева спросите.

Афанасий, не скрывая, всё рассказал, как ручки перевязали.

- Это вот его пример нам, степным косарям, глаза открыл,
- и показал на меня.
- Я думал, вы только стихи писать умеете. А вы и работать других учите. Молодец, Пётр! Вот тебе за добрую инициативу!

<u> Лворчество Причулымья</u>

И, вынув из кармана две красных десятки, подал мне.

- Спасибо! - И крепко пожал мне руку.

Все косари перевязали на косовищах ручки, и мы намеченный на неделю сенокос закончили за нять дней.

Время шло своим чередом.

Накануне Нового года в коллективе станции только и было сужденье: как будем отмечать Новый год? Хочется поставить ёлку. А где её взять? В степи не найдёшь, а до леса тридцать вёрст. Машины ни у кого нет. Судили, рядили, разводили руками.

А накануне Нового года к станции утром подощла та же машина, что увозила косарей в горы на покос. Из неё вышел Михаил Петрович. Поприветствовал всех.

 Приехал поздравить вас с Новым годом! Пожелать здоровья и хорошей работы! И порадовать новогодним подарком. Ведь за добро платят добром. Гена! – крикнул он шофёру. – Подай таёжницу.

Как мы были рады — и малые, и взрослые, увидев ёлкукрасавицу. Какая она была пышная и зелёная! Как пахла смолкой!

Празднуйте, друзья! И приходите в клуб на встречу Нового года.

Раскланявшись всем, добрый Дед Мороз уехал.

Вскоре ёлка была наряжена в красном уголке. Стояла, как невеста на свадьбе. Вечером ёлку осветили разноцветные лампочки. Был весёлый коллективный праздник. Так приятно было встречать Новый год у заработанной ёлки!

А в два часа пошли в клуб на поселковую новогоднюю ёлку. Там был разгар веселья, встречи друзей. Воспоминанья, танцы, пляски. Я спел модную тогда фронтовую песню «Тёмная ночь». Одаренные подарками, вернулись домой к утру.

Прошло столько лет! А всё вспоминается, как наяву. Будто всё переживаю сегодня. И новогодний подарок никогда не забуду.

В ЛЕДЯНОМ СКЛЕПЕ

Рассказ-быль

Подошла третья декада мая. Посевные работы закончены. Подкрепившись на жневьях и посевах, перелётные птицы улетели на север к гнездовьям. Закончилась азартная охота на гусей. Я за всё утро, обшарив в бинокль всю степь, вернулся домой без выстрела.

Развесил в избушке охотничью одёжку, хорошо умылся, сел за стол плотно подкрепиться. Только успел выпить полстакана чая, в дверь постучали. И в комнату быстро вошёл знакомый шофёр Миша.

- Откармливаться присел, - сказал он, похлопав ладонью о ладонь. - Гуси к тебе попрощаться прилетели, да какие! Гуменники! Мы вчера там досевали поле, за Алексеевкой, в распадке. Довёз бы тебя, да надо зерно на пятое отделение отвезти. Там тоже последние заходки... Ты быстро километров двенадцать... Успеха!

Он так же быстро вышел, как вошёл.

Я достал из чехла ружьё.

- Опять в поиск! Хватит! сказала жена, качая головой. Сам стал, как заморенный гусь. Добегаешься... и гусыня улетит...
- Не улетит, заверил я, похлопав её по плечу, и выскользнул из тёплой квартиры на холодный сквозняковый ветер.

По дороге не поехал. Полем ближе и грязи меньше. Ехать много по лугу не пришлось. Дожди его расквасили. Клочки сена наматывались на цепь, липли к колёсам. Моего молчаливого коня приходилось катить, пести на плечах. До заката солнца было не больше часа, а надо пройти ещё

только что засеянное поле. Обходить опасно. Пашня подрезана до бровки оврага, а откосом с велосипедом рискованно, скользко. Чуть скользнёшь на ковыле – полетишь вниз.

Ветер к вечеру стал ещё хлеще. На посеянном поле вязну в грязи. Отдыхаю, когда не могу вытащить ноги. Силы на исходе. Но ругать некого: сам выбрал дорожку – топай.

На гребень перевала-пашни добрался, когда солнце опустилось за серым горизонтом. Вниз густо поползли сумерки. Надо найти гусей. Хватился. Бинокль в спешке оставил дома. Всматриваюсь вниз. Замечаю мелькающие тени. Ещё и улетели! Но слышу громкую перекличку птиц. Они с кормёжки поднялись, дружно, громко гогоча, перекликаясь друг с другом.

Оставил велосипед в небольшой выемке, поспешил, как мог, выбрать место для скрадки. Ноги сводит судорога. На ветру закоченели руки, по всему телу усталость, озноб. Кругом ни клочка травы, или хотя бы выпаханных корней сорняков — ничего. А копать яму-скрад падо. Не замаскировавшись, ничего не возьмёшь.

На коленях сгрёб малой лопатой мокрую вспаханную землю. Ниже — скребу лопаткой и пальцами. Но как ни старался — вырыл узкую щель. Кое-как втиснулся. По бокам — скользко, глубже — мерзлота. Земля в низинах тает медленней, чем на пригорках. В таком убежище через пару часов замёрзнешь.

Метрах в трёхстах от скрадки ещё с бугра я заметил то ли шалаш, то ли избушку тракторных бригад. Надо добраться. Если замкнутая — окошко уберу, а залезу. Не умирать же глупо в поле. В потёмках чуть нос не разбил о сеялку. Как закончили посевную, так и оставили. Сеялка вся железная.

Но рядом ещё что-то. Вспомнил: это же куст черёмухи. Обрадовался! Как я о нём забыл? Но радость моя была недолгой. Черёмуха уже распустила лист. Промокла, как и я, насквозь. Сухих веток не было. Наскоро наскрёб горсти четыре — пять листьев, каких-то корней, смешапных сухие с мокрыми. Как подбитый гусь, поплёлся к щели. Высыпал всё в яму, пытался разжечь. Только полкоробка спичек истратил. Упал на ветошь — укрылся от ветра. Но всё тело сводил озноб. Стал теребить фуфайку. Клочок ваты задымил, показались красные огоньки. Подбирая посуше листья, разжёг костёрчик. Но чтобы хоть немного согреться, его не хватит. И жажда выжить натолкнула...

обрезаю Ножом выше колен голенища резиновых сразу. А с ней охотничьих сапог. Резина загорает воспламеняется всё, что я бросил в скрадок. Я задыхаюсь от горячего дыма и радуюсь, стирая с сажей порозовевших щёк тупую усталость. Едва погас огонь, плотно закрыл плащом сверху щель и, завернувшись в фуфайку, быстро заснул.

Всю ночь мне снилось засеянное чёрное поле. Я иду по нему, едва переваливаясь с ноги на ногу. Я переворачивался, подогретый теплом сгоревших голяшек, и снова шёл паханиной.

Проснулся от громкого гомона, мне показалось, кто-то рядом дерётся. Высунулся из щели, увидел бегущую на меня лисицу с лисятами и над головой штопором вверх поднимающихся гусей. Выстрелил навскидку дуплет. Дым чёрного пороха застелил мне глаза. «Высоковато стрелил, - подумал я. — А может, мазанул?»

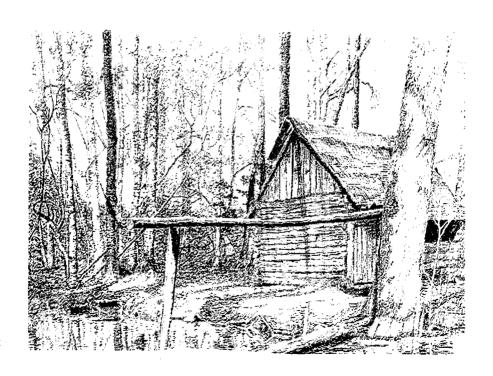
(Некоторый читатель подумает обо мне: «Жадный человек». Нет, я никогда не стремился добывать больше

других. Я познавал окружающий мир, чтобы в трудный момент найти выход, выжить. И вновь познавать, познавать... и своим жизненным опытом делиться с другими).

Угрожая лисице кулаком, огорчённый, выбрался из щели. -Испортила всё! Но осенью берегись! - погрозил я рыжей. Повернулся уходить. В шагах десяти от скрадки лежали два гуся. Да не какие-нибудь — гуменники! Красивые, тяжёлые.

Но я уже не чувствовал тяжести. Еду домой облегчённый – в укороченных сапогах.

Как встретит меня гусыня-жена? Не знаю.

<u> Пворчество Причулымья</u>

СЕДОЙ КОТ

Когда в одной семье возникают споры, недовольство друг другом, когда в квартире дерутся два кота, в народе говорят: «Два медведя в одной берлоге не живут». Где два драчливых кота, в квартире мира не будет.

О раздорах медвежьих я ничего не скажу – разбирать не приходилось. А вот о двух немирных котах поведаю.

Были у нас разношёрстные — и чёрные, и рыжие, и белые, даже разноцветные и... был кот Васька. Чёрный, как уголь. Большой, мирный. Никто ему не перечил. Кошка под боком, и котята поверху лазят. Мурлычут, мурлычут, переваливаясь с боку на бок. Да слишком жалостливый я. Шёл, охотясь на уток, с утренней зорьки домой по пшеничному полю в начале сентября. Заглянул по пути в небольшой овражек. Там ежегодно выводки лисят бывали. «Есть ли в этом году? Надо заглянуть. Если живут, в ноябре можно попытать охотничью удачу. Недалеко ходить — два километра от посёлка не будет».

Так рассуждая, в распадке заметил у входа в нору: лежит что-то чёрное. Присматриваюсь. Кажется, чернобурка! Не спугнуть бы. Вот радостная будет охота. Чернобурки у нас в степи не водятся. А ведь забрела откуда-то!

Чернобурка, заслышав мои шаги, встала и тянется к норе, что-то волоча на лапе.

«Кот в капканс!» Моя радость погасла, как спичка на ветру. Я торопливо подбежал к пленнику. Большой чёрный кот, повернувшись ко мне, дугой выгнул спину, приподнял кверху хвост. Глаза — раскалённые угли. Стоит у входа

норы, а в неё не лезет. Одна передняя лапа сжата дугами капкана, привязанного на короткую цепь. Браконьер преждевременно, неумно поставил ловушку, кажется, слабей, чем надо на барсуков. Если бы крупней, капкан бы пересёк лапу неожиданному пришельцу.

Жалко мне стало животное, обречённое на верную голодную смерть. Снял с плеча плащ, изловчился, накрыл им пленника. Расцепил ловушку, прижал к груди бьющегося кота и поспешил домой.

Жена, метнув взгляд на мою добычу, покрутила возле виска пальцем.

- Ты бы заодно из тайги двух медвежат принёс.

Я в дискуссию с ней не вступил. Посадил на круглый кружок-коврик присмиревшего кота, поставил чашку с молоком. Коротко ответил хозяйке дома: «Я ведь тоже хромой. Пусть живёт. Зови Фомкой. Подружатся с Васькой, и нам будет веселей...»

Коты быстро обнюхали друг друга, без проволочек. Уже на третий день они рядом лежали на диване. Васька лизал Фомкину лапу, стараясь залечить шрам жестоко раненого животного.

Мирно, незаметно потекли будни. Фомка, костыляя, выходил на улицу за Васькой. Возвращался с ним. А иногла один.

Но к концу сентября наши блюстители порядка стали друг на друга поглядывать косо, зафыркали, и полетели клочки шерсти по комнате.

- Видно, кошку одну полюбили, - полушутя сказала жена. Драчки котов ожесточались.

- А что будет зимой? – спросила меня жена. – Может, нам надо разбежаться? Вези Фомку, откуда взял. До зимы найдёт хозяина.

Оправданий у меня не было. Повёз я свою находку к речке. Там рядом деревушка, ферма. Доярки каждый день коров доят. Плеснёт какая-нибудь молочка бездомному. Или рыбаки подберут.

Возле озерка в камышах сгородил шалашик, постелил сноп осоки. И, сунув Фомку в новое жильё, укатил домой к жене. Под тёплое одеяло - под ним не промокнешь.

Васька-кот своё одиночество не выдавал - плошка всегда рядом не пустая. Но стал я замечать: скучнее он стал. И ест меньше и реже.

Сентябрь подошёл к концу. Сдвиженье, северные ветра погнали птиц на юг. Загнусили холодные дожди, и хлёсткие холодные ветра тусовали серые тучи, швыряя на тревожную землю липкий снег. Ночами мороз стеклил озёра, на речке появились забереги. Прохожие прятали в воротники носы, лица. Всё чаще мне ночами стал сниться Фомка с искалеченной лапой. Лежит он, бедняга, мокрый и голодный - звёзды, как мыши, снуют, а поймать не поймаешь.

Не стерпел я душевного терзания, по утрянке, по свежему снежку, пошёл к речке. Думаю: если нет кошачьих следов, значит, Фомку кто-то забрал.

Снег был белей бумаги. Никто ещё не запятнал его — не успел. С трепещущим сердцем подошёл к шалашику, в котором оставил отвергнутого Фомку.

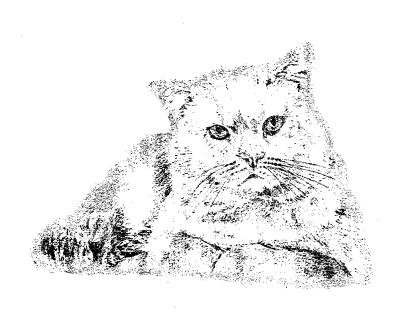
О, Боже! Лежит. Снег на нём корочкой слипся. Поднял на руки — он холодный, как ледяшка. Но живой, глаза раскрыл. Изувеченную лапку потянул ко мне...

Привёз я ничейного кота домой. Васька обрадовался, мяучет, здоровается. Жена ничего не сказала, только три ночи спала одна, ко мне не подходила.

Коты жили мирно, больше раздоров между ними я не замечал. Только среди зимы Фомка стал линять. Вместо чёрной шерсти высыпала седина.

Он прожил у нас ещё лет шесть. До конца своих дней.

... И животные понимают доброту. А отношения формируют характеры. И у людей так, и в государстве так.

СЕКУНДА

Охота — страсть. Если она хоть раз задела крылом, — вы её пленник. Она будет волновать вас, беспокоить, искать и радовать, и огорчать. Всё будет. Но она останется с вами.

Я охотился и на пушнину, и брал копытных, и дичь. И в каждой охоте есть своя прелесть и азарт.

Но самая увлекательная, азартная, интересная, я сказал бы, и умная, - это охота на гусей. Не изучив их повадки, часто будешь переживать неудачи.

Стоял разгар перелёта водоплавающей птицы на север. Май широко распахнул реки. Был ледоход.

Наша небольшая речушка летом во время таянья снегов разливалась по пойме на несколько километров, - приволье водоплавающей птице. Взять в такую пору гуся трудно. Накормится посреди жневьев, усядется посреди разлива на кочковатые островки. Ни подъехать, ни подойти, и замаскироваться трудно.

Нашёл я стабунившихся гусей километрах в трёх от села. С одной стороны — русло реки, по которому, перезваниваясь, как колокола, плыли льдины. С другой — разлив.

Мы с братом, тоже инвалидом войны, к месту наблюденья приехали вовремя. Когда гуси снялись с отдыха, часа в четыре вечера, мы подготовились к заплытию. До заката солнца оставалось часа полтора.

Брат отчалил от берега раньше меня в одноместной лодке, я на другой. Встав на лодку, почувствовал — весло легче. Я всегда плавал стоя в лодке, он — сидя. Моё весло длиннее и тяжелее.

- О! – подумал я. – Доплыву и с этим.

Вода шумела, мотая залитые до вершин талины. Солнце садилось за горизонт. Хлёсткие волны, как огромные ладони, подхватили мой утлый дощатик, подбрасывали и швыряли то вправо, то влево. Тёмно-синие гривы воды мешались с бликами закатного солица, меняя цвета и формы. Что-то непонятное, манящее влекло меня вдаль. Я плыл на дальний угол кочковатой релки против теченья. Впереди мелькали метёлки затопленных ракит. Плыли величественно льдины, поблёскивая разноцветными красками, сталкиваясь и перегоняя друг друга.

Мне надо переплыть на ту сторону бурного русла. Я спокойно режу набегающие буруны — не впервые. Напрягаю силы, рывок за рывком, отталкиваюсь о ледяные громады, и уже русло позади. Прямо на меня из-за вершин талины вынырнула, как лоснящийся тюлень, льдина. Она вот-вот ударит о борт. Я уперся в неё и, видимо, сильно наклонился. На мгновенье забыл, что весло укорочено. Весло скользнуло и я .. в русле речки. Барахтаюсь между льдин и метёлок камыша. Лодка от моих толчков ещё плыла вперёд. Но встречная льдина повернула её ко мне. Это было моё спасенье. Я, ничего не понимающий, успел ухватиться за мимо проплывающую лодку, и меня понесло по теченью. У меня не было весла, шапки. Намокшая одежда и большие резиновые сапоги тянули ко дну.

Не знаю, какая сила ухватила ветку талины, как я перевалился через борт. Я оказался в полной власти бушующего половодья. На одном из изгибов реки выхватил из пасти волн дощечку. Кое-как, изранив в кровь руки, добрался до берега. Наш Серко мирно жевал сено. Я,

напрягая силы, сбросил с себя всё до нательного белья, побрёл к селу, а потом, подгоняемый ночным холодом, побежал прямо по степи. Сколько бежал — не помню.

Открывшая мне двери жена, увидев меня голого, окровавленного, измученного, упала на диван.

- Кто тебя так?!
- По-о-осие р-ас-скажу. Дай водки.

Жена трясущимися руками налила гранёный хмельного. Я проглотил, не чувствуя ни горечи во рту, ни запаха спиртного.

- Налей ешё!
- Ты же от рюмки, когда выпьешь, хмелеешь!

Выпив два стакана сорокаградусной, я завернулся в тулуп и повалился на пол. Спал мертвецким спом.

Проснулся уже к обеду, как будто ничего не произошло со мной. Даже не кашлянул. Только сильно саднило подошвы ног.

А по селу уже со скоростью почты шёл слух. Вчера вечером парочка влюблённых, прогуливаясь на задах при луне, видела, как нагой человек, или привидение, а может, накануне схороненный кузнец, чудом воскресший, бегал по полю.

Перешептавшись, старушки с иконами поплелись на кладбище успокаивать, отпевать похороненного.

Я сидел на диване, бинтуя израненные подошвы. Ведь бежал я по колючему целинному полю, оно ещё не закурчавилось мягкой травкой.

Бывало и так.

А охота на гусей бесподобная!

<u> Пворчество Причулымья</u>

должник

Охота, как искусство, полна неожиданностями, тайнами, трепетными переживаниями, неожиданными радостями и горькими разочарованиями, которые помнятся всю жизнь. Вот одно из них.

Ноябрь в Саянах — капризный месяц. Может мороз хлестануть под тридцать, и может окатить дождь.

Меня захватил снегопад. Такой густой – руки вытянутой не видно.

Хорошо, деревня была недалеко. В ней я не один раз ночевал у земляка. И на ощупь за час мытарства добрался к ночлегу.

Гостеприимные хозяева встретили меня с тревогой.

- Как ты в такую непогодь не заплутал? Слепит — глаза открыть нельзя. Ну, слава Богу, обошлось... Раздевайся, да к печке. Моя Домнушка сейчас нас ужином согрест.

Через несколько минут я, уже проглотив полстакана креплённой самогонки, закусывал горечь жирной баранинкой. Выпил за встречу и хозяин.

За сытным ужином всплыли и воспоминания.

Владимир (так звали моего земляка) был старше меня лет на шесть. Войны хлебнул по горло.

- Принёс я с проклятой одни шрамы, до сих пор болят, да вот одну памятную вещичку, - рассказывает Владимир. — Меня в последний раз одним снарядом с медсестрой ранило. Она мне, прощаясь, и подарила её... Сама уже умирала.

И достал он из сундука памятный подарок — сверкающий даже в тускловатом свете избы из белого с синими оттенками мрамора бинокль. — Дорогая штука — память. Берегу я его. Говорят, театральный. Куда мне из него заглядывать — в зубы коровам? А тебе ещё пригодится. Не

в охоте - может, в город переедешь.

- Спасибо! Чем же мне тебя отблагодарить?
- Если хочешь, отправь пороху. Хочется с ружьишком по следам побродить и на зорьке косачей подстеречь, да не с чем. Ведь я, как и ты, таёжник.
- Не печалься, Владимир, сказал я. Дней через пять будет у тебя всё.

Возвратившись домой, я с обещанной посылочкой пришёл на почту. Но работники связи категорически отказались её принимать.

- Огнеопасные и взрывчатые вещества по почте перевозить запрещено.

Сам был загружен работой. Время шло своим чередом. В конце ноября ко мне подъехал брат Константин.

- Поедем к Ягинским болотам. Там иногда коза задерживается. Обещают большой снегопад, уйдёт.

До места охоты ехали по переметённой дороге. А пойма кочек была занесена сугробами по грудь.

Намучившись по релкам и камышам, добыв одного козла, мы к закату солнца выбрались к подножью гор. Здесь и дорога торней, и снега меньше – ветрами сносит.

Брат подвернул к оденку зарода. Наложил полный коробок душистого степного сена.

- Ложись, отдыхай, устал, как борзый. – И, улыбаясь, добавляет. - Чтоб снегом не засыпало, прикрою костром. Но, Скорый!

Убаюканный однообразным скрипом полозьев, я уснул. Пробудился от громкого разговора. Узнал басистый голос Владимира, моего гостеприимного земляка. Он вил верёвку у своего дома, на краю улицы. Увидев проезжающего Константина, окликнул.

- Ты увидишь Петра — напомни ему обо мне. Скажи, жду я его посылочки. Долго жду.

- Ты ему сам скажи. Вот он в коробке...

Заливаясь стыдом, вылез я из-под сена. Позорней я себя никогда не чувствовал.

Вернувшись домой, я через два дня с оказией отправил обещанное земляку-охотнику, извиняясь за произошедшее. А красивый театральный бинокль я бережно храню как память о погибшей сестре, обо всех сёстрах, что спасали и лечили нас. И до старости лет краснею должником. Раны и ушибы заживают, такое никогда.

ЧАСЫ

Фёдор Степанов в достатках никогда не жил. Роскоши и дорогих вещей не имел. Обходился необходимым. И рад был часам-ходикам, которые над его головой чётко, ритмично отбивали секунды.

- Как точно шпарят! – говорил он сам себе.

Доволен был мужик успехами науки и техники. На улице, в поле, заглядывая на небо. Спрашивал сам себя:

- Сколько там мои набрякали?

Учился ночами по звёздам угадывать, во сколько Большая Медведица ковш к Земле склоняет? Больше он никаких созвездий и звёзд не знал. Шагая к утрепним зорькам на рыбалку, спотыкаясь впотьмах, вздыхал:

- Как плохо без часов! Поднимешься, когда ещё леший свои сети не смотал, и кувыркайся.

И рад был, как дитя игрушке, когда купил сверкающие оправой часы, и не какие-нибудь, а водонепроницаемые и с яркими, как звёзды на небе, цифрами на циферблате.

Просыпаясь в шалаше, на ночёвках, прежде всего смотрел, сколько его золотые натикали? Потом озирал звёздное небо, пытаясь запомнить, какие кучки звёзд в какое время где светятся? И так он привык к часам — ни шагу без них. Одна была помеха с ними. На фронте левую руку потерял, а на одной правой не расфасонишься. Всё ею приходится делать, особенно на рыбалке — всегда мокрая. Клал часы для сохранности то в карман брюк, то в нагрудник гимнастёрки поглубже, чтобы не выпали. Привязывал на ремешок и делал своё дело.

Однажды проснулся в шалаше - солнце в дверцу заглядывает. Глянул на часы – уже семь.

- Вот это храпанул! – и бегом к лодке.

Поплыл проверять улов - вечером расставил капканы на ондатру. Правда, немного, десятка два - много одной рукой не сделаешь: как ни старайся — всё выходит на бок...

Улов был неплохой. Большие зверьки утопили капканы и сами с ними захлебнулись водой. Хуже с живыми. Запутают привязи вокруг корней — попробуй расплети. Тянешь нить влево — лодка заскользила вправо.

Пока обработал зверьков, расправил шкурки на просушку, уже солнце перевалило за обед. Позавтракав и заодно пообедав, с усталости задремал.

Спохватился ночью. Надо сети забросить и капканы опять расцепить. Успею ли? Сколько же на часах?

Сунул руку в карман брюк – пусто. Нет часов и в кармане гимнастёрки.

- Клал же я их, помню, сюда... А привязал ли ремешок? Не помню...

По пять раз прощупал всю одежду, просмотрел тропинку от лодки до шалаша, осоку разглядывал — потерю не нашёл.

Домой на следующий день пришёл с добычей в мешке, а душа грустная. Даже есть жареного карпа не стал. Жене ничего не сказал. Молча перебрал всё охотничье снаряжение, где ещё надеялся чудом найти часы, - безуспешно.

Поутру поехал проверять капканы. В первых трёх взял двух ондатр. Крупные, набрали мех на густом аире.

У привязи четвёртого капкана заметил зверька, припавшего к выступившей из озерка кочке — прячется. Подплыл к ней и своим глазам не верит: рядом с выеденной ракушкой лежат его сверкающие медной оправой часы!

Не может быть! Я здесь не нагибался. Обрадованный найденной потерей, поцеловал часы трижды и вздрогнул: часы идут! Радости охотника не было границ. Догадка стукнула в мозг: «Ондатра сверкающие часы приняла за ракушку и вытащила их на берег. Какая умница! Такую я губить не буду».

Охотник расщепил пружины капкана. Ондатра, прихрамывая, допрыгала до берега и нырнула в речку.

Не теряйте надежду, охотники. В жизни всё бывает.

Пворчество Причулымья

ОЗЕРО В САПОГАХ

Охота тем и увлекательна, что почти никогда без приключений не бывает. Иногда она такое подкинет, из чего не каждый и выберется.

На открытие охоты на водоплавающую птицу я приехал накануне вечером, в родные места, по пойме реки Сереж. Здесь и Косогольские озёра, и испокон крестьяне гатили пруды, и протоки, и заводи — раздолье для птицы. Андроновский пруд был для меня ближе и удобней.

Подъехав к нему, огорчился – пруд уже спущен несколько лет назад. Большая весенняя вода размыла плотины. Речка стала ручейком. От всего пруда осталось одно омелевшее блюдце поблескивающей воды с впухшей трясиной посреди. Но выбора не было.

Начал ставить чучела. Но отталкиваю лодку – она не плывёт. Вспухшая трясина не даёт ей ходу. Пришлось коекак расставлять их с берега.

Окончив невесёлое дело, отошёл к машине. Отдохнуть, полюбоваться родными картинами природы.

Они были нерадостными. Засушливое лето, безводье сделали своё чёрное коварство: трава пожухла давно. Только горький тысячелистник мельтесит, куда ни посмотри. Даже вековых камышей нет. Нет и уток. По обмелевшему озерку, по колени в водице бродят мелкие кулички, и с ними три чирка. Правда, дышится легко и вольно. Не так, как в городе.

К нам подъехало ещё несколько машин охотников. Но убедившись, что здесь только убьёшь время, уезжали.

К закату погода стала портиться. Полезли низкие, серые тучи, пошёл дождь, густой и хлёсткий. Он не переставал ни на минуту.

Чуть стало светать, я пришёл к озерку. Пусто. Лёгкая афганка быстро промокла. Струи воды полезли под рубаху. В шелесте дождя услышал всплеск воды. Немного дальше чучелов чернела утка. Выстрел раскатисто всколыхнул утро. Но других подсадок птиц не было.

Промокнув до костей, я стал доставать добычу. Лодка — ни с места. Попробовал дотянуться к ней шестом, обломок которого подобрал на берегу. Не доставал до цели совсем немного. Шагнул в воду и сразу выше колен погряз в трясине. И опять не достаю до утки каких-то полметра. Ещё рывок вперёд — и я по грудь в чёрной пучине. Она плотно обхватила меня, как насосом, тянет вниз, засасывает. Пытаюсь вырваться, и только погружаюсь глубже, ко дну умершего озера. Своим колыханьем утку ещё дальше отодвинул от берега. Меня взяла злость.

- Достану! Какой я охотник, если брошу добычу?

Но щест до неё не дотягивался. А трясина сосала, сосала меня вниз. Сверху хлестал дождь.

Пробовал плыть к берегу, но только взбивал грязь.

После нескольких рывков, оставив на дне озера в трясине сапоги, уже не веря себе, выбрался на берег. Осталась, влипшая в трясину, и утка.

Грязный и босой, до синевы продрогший, пришёл к машине. Запасная одежда согреда меня.

Сидя в машине, смеялся над своим приключением. Будет время. Запрудят плотину. Распахнётся пруд. И станет озеро любимым местом охоты для многих. И назовут его «Озером в сапогах».

СМЕРТЬ ПРОЛЕТЕЛА НАДО МНОЙ

В первый же год в колхозе руководство решило: кролиководство иметь выгодней скотоводства - свиней, овец и даже коров. Корм не надо растить — и леса много, и травы, только готовую давай. Было закуплено полста кроликов. Не приготовив клеток и помещений, новосёлов поместили во дворе раскулаченного крестьянина. Каких поместили в бане, каких — в свинарнике.

- Рости, Марья, - сказал председатель. - Через год будем есть досыта мяса и шубки меховые носить.

Матери дали Рыжуху, старую телегу возить из леса ветки осин, пучки, разнотравье.

Рыжуха была смирная. Когда мама надевала на неё узду, она ниже опускала голову, будто кланялась. Потом и я легко её уздал и даже иногда путал, отпуская за огородом на самопас.

Каждое утро, умывая ноги росой, я убегал за Рыжухой на зады. Увидев меня, она бодро ржала, иногда шла навстречу. Мы ехали в осинник, нарубали ветки, сколько можно было уложить на телегу, мама сверху укладывала свеженакошенной травы. Во дворе раскладывали привезённое на места кормушек: вдоль свинарника, у бани. Раскидывали у заборов.

Кролики не модничали. Весело и дружно ели, играли. С новосельем они освоились быстро.

Дней через десять соседи подняли крики: «Кролики зорят огороды. Поедают морковь, репу. И огурцами не брезгуют».

Стали осматривать двор. Баня была изнутри подрыта. Выход во двор — две норы. Кролики нашли кое-где дыры и в ограждении и нарыли своих ходов сколько им надо. Кроме работы за ними прибавилась ещё забота ловить беглецов по огородам и даже на задах. Во дворе иногда кроликов оставалось меньше, чем в бегах.

- Смотри, хозяйка непутёвая, - кричал председатель.

- За каждого ответишь.

Мама не могла уснуть по ночам. Пыталась просить председателя, чтобы перевёл её дояркой на ферму. Тот ещё больше обозлился.

- На выселку или в тюрьму могу. Пока работай.

Я пошёл за Рыжухой за поскотину. Надо было ехать в осинник.

Рыжуха была непутаная. Когда я до неё не дошёл шагов десять, она чего-то или кого-то испугалась. Оскалив зубы, прыжками бросилась на меня. Лязгнув по голове, перепрыгнула через меня и махом поскакала к ограде. Окровавленный, я пришёл домой. На голове моей возле мозжечка вздулась шишка с голубиное яйцо. Кожа была пробита. Эта шишка долго и медленно сходила. А что бы было, если бы Рыжуха угодила по мне ударами копыт?...

Отец не пустил на кролятник ни маму, ни меня. Председатель сказал: «Пошли пасти кроликов свою жену». Вскоре все кролики разбежались по деревенским огородам и исчезли...

Свиноферму тоже вырезали до последнего поросёнка. Сказали: китайская чума на них напала. Вырезать свиней звали и нашего отца. Предупредив строго, чтобы ни одного кусочка мяса домой не унёс — «дети подохнут». Но отец знал, что мы легли опять голодные, принёс с килограмм ядовитого мяса. Мама тут же сжарила его, и мы, поужинав, легли спать. Слава Богу, все проснулись.

Не дожидаясь голодной смерти, отец вывез нас из колхозного рая — из колхоза, который назывался «Памяти Ильича» и который из-за неумелого руководства развалился. Исчезла деревня, где родное гнездо, где я родился и жил девять лет. Плохо жил, но всегда вспоминаются щенята, с которыми я любил играть, и цветные камушки из ключей. Там я принял первые удары жизни, первые шрамы... И научился терпеть. Мог ли я знать, что впереди ждёт дорога ещё ухабистей, ещё страшней.

ВЕРНОСТЬ

Заканчивался осенний перелёт на юг водоплавающей птицы. Октябрь всё чаще хмурил брови. Со свистом налетали ветры, пригибая к трясинам космы камыша, принося с собой горошины крупы, а иногда, всё гуще, гривы первых снежных туч.

Мы с английским сеттером Верным, расположившись на изгибе речки Сереж, уже более часа ждём удачи. Да, видно, припоздали.

Я уже собирался уходить, когда боковым зрением увидел прямо на нас летящую стайку чернедей. Птицы летели быстро. Но я навскидку успел сделать дуплет.

Собака, следившая за каждым моим движением, заметила упавшую птицу и бросилась в кипящие волны. Доплыв до утки, повернула ко мне. Но поплыл через пересекающие реку широким поясом заросли камыша. Через несколько метров он стал часто хлюпать по воде лапами, всё ниже опуская вглубь голову с зажатой в зубах уткой.

Тонет Верный!

Я, уже продрогший до пят, не раздумывая, сбросил с себя одежду и бросился к собаке.

Ледяная вода, как огнём, пронзила меня. Мелькнула мысль: «Утону, как котёнок. Что я наделал?» И другая: «А Верному как? Да приходилось уже так не раз...»

Я вздрогнул и, как в атаке, стряхнув страх, брассом подплыл к собаке. Его голова едва торчала над водой с стиснутой в зубах уткой. Скрюченными пальцами впился в травяной жгут. Он был скручен, как верёвка. Верный, почувствовав меня, чуть приподнялся, заработал лапами. Едва-едва петлю травы удалось разорвать, и Верный, вначале медленно, потом быстрее, быстрее поплыл к берегу. Пленник освободился, а я запутался в речных

водорослях. Они скользкие, как змеи, оплели меня и тянули ко дну.

Я бился из последних сил и слабел, слабел...

- Верный, ко-о мн-н-не! – застывающим стонущим голосом позвал я собаку. Последние пузырьки воздуха погасил ветер. Я опускался в жидкую скользкую тьму.

... Кто-то мягкой тёплой щёткой тёр мне щёки, лизал губы. Я тяжело открыл глаза. Верный, мой неразлучный четвероногий друг, горячим языком отогревал лицо, лизал, целовал, возвращал меня к жизни.

Привыкший исполнять мои желания, приносить, разыскивать поноски, услышав мой прощальный зов, бросился в воду.

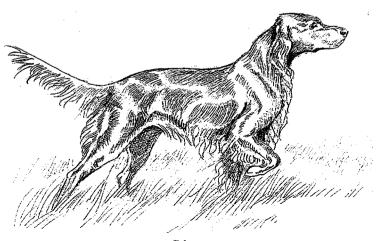
Ухватившись зубами за шарф, который я, спеша спасать его, не снял, он вытащил меня к берегу.

Не помню, как я, обняв кочку, упал умирать на стылой сырой земле.

Можете верить мне, можете оставаться при своих мнениях, но я никогда этого не забуду.

Верный, мой неразлучный друг, спас меня.

Любите, берегите собак и научите их носить поноски.

<u> Пворчество Причулымья</u>

Я ВИДЕЛ УДАВА

Тёплый июнь быстро поднял травы. Зелень захлестнула всё. Помолодели деревья. Стали стройней, зеленей. Тайга, бурая, как медведица зимой и осенью, распахнулась свежими яркими красками, как необъятное зелёное море. Поднялась и черемша. Засуетились бабы. «Пойдём на Осиновую гору». Черемша была и ближе, рядом, за огородами. Но мельче и горчей.

Кучка баб, человек восемь, гуськом потянулась за Агатку, небольшую горную речушку, километрах в двух от деревни.

Пошли и мы с мамой. Мне было почти шесть лет. Надо к тайге привыкать мужику. Выпачканный какой-то мазью от комаров, я замыкал шествие.

Агатка — шумная, но неглубокая. Дно песчаное, в золотых россыпях камушков берега. Бабы перешли её, подняв до пупков одёжку. Мама перенесла меня на руках. Из воды выпрыгивали рыбки, хватая паутов, серебрясь на солнце радугами.

Сразу от берега узкая звериная тропка вилась на Осиновую гору. Неслучайно её так назвали — осины высокие, качают клочки неба, как зыбки. Папоротник уже вырос до пояса, черемши разливы. Высокая, сочная. Срываешь — сок брызжет. С горчинкой.

Бабы перевалили косогор через гребень в низине, я приотстал от них немного. И вижу: прямо на меня с каменной плиты, что желтела выше, падает что-то чёрное, разинув красную пасть.

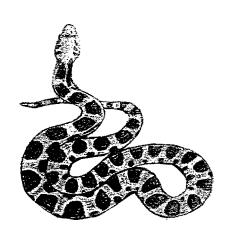
Огромный змей толщиной с оглоблю саней, не меньше, не ползёт, а именно катится брюхом вниз. Я стою недвижим. Моя голова выше папоротника. Он видел меня. Но не тронул, хотя прополз не дальше четырёх-пяти шагов. Он

был так толст, что после того, как он скатился к речке, ещё сильно колыхалась трава. Бабы видели его не все. Они были ниже в распадке. Закричали: «Змей! Змей-удав!»

Я не помню, о чём тогда думал. Маме рассказал, что заметил на змее чешую, как у рыбы, и большой разинутый рот. Одной петлёй он мог меня задушить, как собака цыплёнка. Смерть пролетела стороной.

Потом, охотясь в этих местах, я расспрашивал всех чабанов, лесников, встречали ли они удава в этих местах. Все отрицательно качали головами. Только чабан Черемных Карп, который жил на овцеферме, сказал: раз на Большом Камушке (гора возле деревни Ключи) он видел огромную змею, как бревно.

Прожив до девяноста лет, я нигде не встречал змей даже в три раза меньше, чем тот. Это был действительно удав. Откуда он появился в предгорьях Саян, я ответа не нашёл. Или уполз из какого заповедника? Или сохранился с тех далёких времён, о которых я и сам слушал сказки мамы? Но это была не сказка. Доказать, жаль, не могу. Рассказал, как было.

... И ЗВЕРИ ПЛАЧУТ

Октябрьский вечер угасал золотыми сполохами на степных косогорах склонившегося к земле солнца.

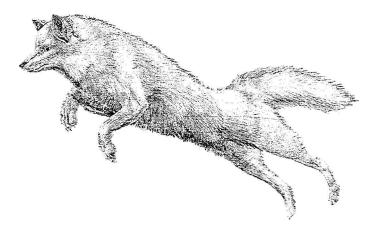
Закончив неудачную дневную охоту, я стоял на взгорке у заросшего тальником ключа, любуясь, как подрумяненное морозцем солнце прощается с землёй, рассыпая на её грудь золотые зёрна. Ах, как мы незаметно теряем дни!

Но тут, встряхнув моё забвенье, чуть не сбив с ног, выскочил русак. Большие глаза, видно, с испуга почти выкатились из глазниц. Я даже не успел поднять ружья.

- Кто же тебя перепугал? – подумал я.

Кругом стояло безмолвие. На косогор из зарослей ключа по заячьему следу выскочил лисовин. Я выстрелил в него. Большой, вытянувшийся весь для прыжка, упал на гривку жёлтого ковыля. Его ноги почти коснулись моих. Когтями впившись В землю. склонил земле K голову. Но расширенные глаза, в которых ещё сверкали искорки заходящего солнца, стали медленно, медленно сужаться. И недвижимую щёку скатилась крупная, как спелая горошина, как только OTP закатившееся прощальная слеза. Лисовин плакал.

Я никогда до этого не видел слёз у зверей. А ведь они, как и мы, плачут.

<u> Пворчество Причулымья</u>

змея

Мне было годика три. Мама собиралась идти за водой к ключу, и я, схватившись за подол, потянулся за ней. И, как она меня ни упрашивала остаться дома, я упрямо спешил за ней.

Одной ручонкой не выпуская платья, другой часто задевал ветки придорожных деревьев. Липкие ярко-зелёные листья приставали к лицу, к рукам. И по тому, что они были липкие, я потом понял, что была пора пробуждения природы — весна.

В сумрачном овраге было шумно. Шумела падающая со скал вода. Звенели птичьи пересвисты.

Мама наклонилась набирать в вёдра воду, а я, в шаге от неё, подошёл к лежащему возле ключа большому дереву. Оно было старое. Сухие ветки отломаны, кора слезла. Сквозь просветы веток дерево освещали солнечные лучи. Я упёрся грудью в бревно. На нём, свернувшись кольцами, лежал большой-большой червяк. Разукрашенный чёрными кольцами.

Я так обрадовался неожиданной находке, что три раза ткнул в неё пальцем. И вдруг резкий испуганный крик мамы: «Змея!»

Отшатнувшись от поваленного дерева, мама схватила меня на руки и стала всего осматривать от пальцев до плеч.

- Петя, она тебя укусила? Покажи!
- Меня никто не кусал, бормотал я. Ник-к-то! Какой красивый! Хочу унести его домой.

Красивая змея, вытянувшись в метровую плеть, медленно поползла по дереву и скрылась в его дупле.

Став больше, вспоминая случай у ключа, я осознал, какая опасность угрожала мне. А тогда, плетясь за матерью, я хныкал: почему такую находку не взяли с собой?

ПЕРВЫЙ ШАГ – ПЕРВЫЙ ШРАМ

Каждый из нас — кто раньше, кто позднее, вспоминая прожитые годы, спрашивает сам себя: «С каких пор я помню себя?»

Я этот вопрос себе не задавал. Вижу, как сейчас: на полу солнечный круг от окошка. На нём сидит ребёнок. На нём синеватая рубашка, такие же штанишки, курточка. Откуда он взялся? Не знаю. Чуть позднее узнаю: это я, мальчик, которого назвали Петей. Я держу, зажав ручонками глиняную игрушку-петушка. Дую, как могу, он же свистит. Напротив у окна сидит моя мама, весёлая, прядёт на самопряхе нитки из серой бороды — пучка льна. В метре от неё, сбоку, мужчина. Тянет из сапога сыромятным потягом колодку. Мне хочется к маме. Я цепляюсь одной ручонкой за её платье. Пытаюсь другой ухватиться за лавку (так в деревнях звали скамейку), но в ручке игрушка. Скользнул по лавке и уронил петушка. Он разбился. Плача, упал я. Что-то сильно больно обожгло мне спину. Мама схватила меня, плача.

- За что ты так ребёнка потягом?
- Чтобы не падал, ответил он.

Так в девять месяцев я сдслал первый шаг и получил от отца строгое наставленье: «Стоять, не падать!» Как путёвку в жизнь.

<u> Пворчество Причулымья</u>

ТЯЖЁЛОЕ ПРОЩАНЬЕ

На второй день, как была объявлена война, отец, уже не поднимаясь вторую неделю (лежал на кровати), подозвал меня и брата Константина к себе. Прерывая слова кашлем, протянул к нам исхудавшие руки, на которых всегда чернели следы от вара, с трудом, но ясно сказал:

- Дети мои, сыновья. Завтра вы уйдёте туда, откуда редко кто возвращается домой. Война будет долгой и кровопролитной. Хочу, чтобы вы вернулись в саманку, где я и ваша мать ни разу не накормили вас досыта, не дали вам ни сладкого, ни красивого. Строгим был я, и строгостью сберёг вам честность. Берегите её и вы. Только честный человек добьётся счастья. Возвращайтесь! Да хранит вас Бог. Жестокость порождает жестокость. Вы жизнь нежностью, честностью познаете.

Он поцеловал плачущих нас, сжал в горсти в 49 лет седую, ещё недавно красивую бороду, и по его впалым щекам катились слёзы. Я никогда не видел у него их.

Вернувшись из госпиталей домой, мы на кладбище не нашли его могильный крест. Его срубили на дрова замерзающие вдовы. Жестокий век продолжал собирать кровавые жатвы, заливать слезами сиротские глаза.

СТРАШНОЕ ДЕТСТВО

Повесть

Из колхозного рая (колхоза), в котором три года на заработанный трудодень выдавали по триста граммов второсортного зерна — отходов, из деревни, в которой из 102 домов восемьдесят чернели выбитыми окнами и распахнутыми дверями, хозяев которых кого унесли умершего на бугорок, кто, не дожидаясь голодной кончины, тайно ночами ехал искать кусок хлеба, в уголок, где можно прожить. Отец нас вывез на станцию Крутояр осенью в голодный 1933 год.

На одной телеге вместили всё семейное состояние и шестерых детей. Правда, старшие – я, брат Саша, сестрёнка Валя - шли за телегой следом. Тощая кобылёнка едва перебирала ноги.

В Крутояре жилья не было. Сгрузились возле вокзала. Уходящий октябрь встретил нас пронзительным степным (в лесах ветра меньше), смешанным со снегом дождём, прошивал насквозь одежонку и исхудавшие тела.

Оставив нас с матерью в полунатопленном вокзале, отец ушёл искать жильё и работу. Мы корчились в продуваемом углу, мёрзли, и голод собирал в горсть животы. Мы с утра ничего не ели. Выехали из родной деревни, не имея горбушки ржаного хлеба. Отец вернулся при огнях. Принёс полбуханки овсянки. Колючие пайки-кусочки мы проглотили, как конфетки... И, глотая слюнки, жались друг к другу.

В вокзал заходили пассажиры, теснились возле окопіка кассы. Некоторые, озирая нас, качали головами. Почемуне знаю. Вышедший дежурный, осветив фонарём, сказал маме:

- Вода для питья у нас. - Махнул, показывая на дверь,

откуда пришёл. - Смотрите, не разжигайте огня.

Отец ничего радостного не принёс. На квартиру никто не пускает – семья большая. И пока на работу нигде не устроился.

- Обещали, но не конкретно. Утром снова пойду искать.

Мама укутала нас чем могла. Помню старое плюшевое пальто на верблюжьей шерсти, шабур и тревожные хлопки двери входящих и выходящих пассажиров.

К утру приехали цыгане. Шумно, гортанно кричали, плакали, пели. К нам подбежала чёрная собака, понюхала шабур и, лая, отбежала. Чем он не понравился ей?

Мужчин - цыган было двое, женщин - три, и с десяток детей — подростков и малых. К нам они не касались. Воровать у нас было нечего, а детворы своей хватало.

К обеду, бодрясь, прищёл отец.

- Поехали! Дают квартиру. Я пригнал подводу.

Мы выскочили из вокзала. У привязи стояла Рыжуха, запряжённая в телегу, хотя уже выпал снег. Свежак забирался под рубашку. Щипал пальцы рук и ног. Но мы были рады... Будет своя изба, своя печь, у которой можно погреться и голодному. Но радость наша была меньше заячьего хвоста.

Избой оказался земляной барак на задах посёлка. Подвал, почти до камышовой крыши зарытый в землю. Его выкопали для хранения овощей, да, видно, их не вырастили. Пригодился для жилья.

На степной станции со строительством было трудно. Овощной барак длиной метров 50 горбился камышовой крышей, из которой поблёскивали узенькие полоски — стёкла-окошки.

Барак делился на две части. С одной стороны жили киргизы, с другой - все остальные. Большая лиственная дверь, повисшая на одном крючке, закрывала полвхода.

Уже была изрядно завалена. Её давно никто не открывал, не закрывал. Посреди подземелья - коридор без настила. Направо и налево - камышовые стены, разделённые на клетки по пять метров для каждой семьи. Маты высотой до двух мстров. Выше, до потолка, не закрыто. Ветерок из дверей щедро продувал всю квартиру насквозь.

Нам дали в конце отсека, у общей русской печи, где бабы подземелья сообща варили, кипятили еду и чай, кто что мог. Нам, как говорят, повезло. Русская печь, сбитая из глины, была большая.

- Рядом с печью не замёрзнете.

В бараке днём и ночью стоял полумрак. Температура была почти такая, как на улице. В комнатах слышались споры, разговоры и плач детей. Их голодные крики заглушались писком и визгом крыс, которые расплодились в камышовых матах и под настилом полов. Их возня не стихала ни днём, ни ночью. Голодные, они поедали друг друга. Их шкурки всегда скользко катались под ногами.

Отец устроился на хлебопункте сторожем и при необходимости предприятия — шорником, ремонтировать сбрую для лошадей и шить новую. В свободное от дежурства время подшивал жителям валенки, чинил сапоги. Новые шил редко. Бедно, голодно жил народ.

Работающему граммов выдавалось 600 хлеба. иждивенца - 200. Отец, пережив переезд, от недоедания сильно похудел, часто стал кашлять. Нас всех мучил голод. Приехали новое осенью на место жительства неурожайного огородика, года. Своего подсобного хозяйства не было. Покупать не за что.

Пошёл работать — пилить дрова, без оформления старший мой брат Саша, ему только что исполнилось тринадцать лет. С ним была напарницей сестра Валя, ей было тогда пятнадцать. Худенькая, маленькая ростом, ребёнок -

подросток на сорокаградусном морозе. Как она терпела? Не знаю. Потом в 22 года пришлось ей рассчитываться за всё. После рождения первого ребёнка легла, и двадцать лет, до самой смерти, не поднималась с постели. А в пятнадцать, в кожаных сапогах, обмораживаясь, крепилась, помогая мыкать горе родителям.

Меня отец отправил в школу. В деревне я к десяти годам закончил четыре класса. Но в Крутояре в 1934-м году пятого класса ещё не было. Отправлять в Ужур было не под силу.

- Иди опять в четвёртый. На следующий год здесь будет школа построена.

Мама сшила из своей девичьей кофты мне рубашку, а для штанишек нашла в ящике конопляный холст. Выкрасила синькой, и я в таком наряде появился новичком в классе. Было ясное утро. Я вошёл в класс, встал возле парты. Солнце ярко осветило меня.

Вокруг стали собираться одноклассники, поглядывая на меня, как на картину. Кто почему-то смеялся, кто хихикал. А девчонки отворачивались, отходили в сторону.

Класс шумел. На шум из сторожки вышла учительница Ирина Даниловна. Увидев скопившихся возле меня учеников, строго крикнула:

- Все за парты!

После уроков я узнал, что сквозь редкий холст было видно всё моё тело.

На следующий день мне принесли обновки. Сын директора совхоза — шерстяной коричневый свитер. Сын парторга — новые чёрные выглаженные брюки. Этой доброты я никогда не забуду. Я носил подарки несколько лет. Рос мало.

Необычный прием меня в классе не оттолкнул будущих одноклассников от бедного неизвестного пришельца. Здесь

таких, как я, было больше половины. Никто меня не обижал. Я стал равноправным.

Сторожиха, она же и техничка, видя истощённого новичка, сама перебиваясь кое-как, молчком совала мне в ладонь то пирожок с капустой, то кусок лепёшки. Такая благодарность была для меня дороже всякой похвалы. Я тёте Наташе после уроков помогал с улицы носить дрова в сторожку, которая одновременно была и учительской, воду, выносил мусор. Меня не тянуло в барак, где всегда был холод и писк крыс, и тупое молчание голодных жильцов.

После уроков мама кормила нас чем могла: жидкий суп с какой-то сечкой, то ли овса, то ли ячменя. С куском хлеба величиной со спичечную коробку отправляла отогреваться на русскую печь, которую бабы топили жгутами соломы, камыша или, редко, дровами. Они были дорогие, а зарплаты низкие.

На печке собирались по шесть – восемь голышей. Грелись, прижимаясь друг к другу. Давили руками и телами на стенках клопов, от которых было красно.

Тягостно тянулись дни, а вечера при коптилках длились без конца. Зима, голодная зима тридцать третьего года была на редкость морозная. Градусник редко поднимался выше тридцати пяти. Никаких летних запасов у жильцов барака не было. Только нищенский паёк. Переживали кто как мог. Больше терпеньем. С нами на печке обогревались и две девочки из соседней комнатки. Старшей было семь, меньшей – пять. Их папу летом увёз воронок. Он часто высказывал недовольство жизнью. В милиции и расстреляли, как врага народа, водовоза хлебопункта (Заготзерно). Осталась вдова с тремя девочками. Хорошие

девочки были. И голодные затевали игры, чтобы дождаться маму с работы.

Вечером они сидели с нами, прижимаясь к тёплой трубе. А в полночь заголосила Арина Марковна. На кровати из сбитых досок, застеленных рваной одежонкой, лежали, обняв друг друга, умершие с голоду девочки. Никто в ту ночь больше не уснул.

Двух мёртвых сестрёнок похоронили в одном гробике из старых горбылей в тех же поношенных серых платьицах, накрыли чёрным материнским платком. Они были худые, сморщенные, как старушки. Только в уголках ртов перекос казался тощей улыбкой. Видно, муки голода, наконец, отступили перед смертью от них, и они, обрадовавшись, попытались улыбнуться.

Помина об умерших малютках не было. Только поздно вечером, собравшись у русской печки, бабы, собирая ужин, больше прятали в фартуки пепельные лица и тайком крестились.

А ещё через два дня в первой клетке у двери повесился одинокий мужчина лет сорока. Он работал в той же организации, где отец, чернорабочим. Сильно простыл. Слёг в постель, задыхаясь кашлем, и тощее тело не вынесло мук. Чтобы покончить страдания, нашёл верёвку... Висел мешок с костями.

Голод собирал жатву.

За перегородкой подземелья шумели, ругались и плакали киргизы. Хотя они голодали меньше. Две семьи, которые жили, как одна, объединял киргиз, каких мне больше не довелось встречать. Высокий, почти два метра, широкоплечий бодряга, он добывал где-то махан (конское мясо), и всей оравой разжигали на улице костёр, в большом

чугунном котле, в каких в деревнях в банях готовят кипяток, варили красивые окровавленные куски мяса, ели, выхватывая горячие куски, сколько кто успел, обжигаясь и кашляя.

Среди зимы Талей привёл рыжего старого коня (жеребца). Обдирали все - и взрослые, и дети. Отрезанную голову Талей отдал нам.

- Только дольше вари! - сказал он маме. - Старый.

Отец ободрал кожу с головы, обрезал, что можно, кости порубил на мелкие куски. Шкуру дочерна опалил на костре и, изрезав на ленты, отнёс матери.

- Положи в чугун и попарь как надо. Пожуют с голоду, что смогут.

Две недели мама варила нам суп из конской головы, а для крепости жевали переваренную пять раз кожу.

Отец после дежурства допоздна при семилинейке сапожничал. Осунулся. Но крепился и, видя, как рядом живущий грузчик высыпал из карманов ворованную пшеницу, отворачивался. Он никого не выдавал, знал, что люди совершают воровство не по своей воле, спасаясь от смерти. А своим детям (нам) наказывал:

- Если кто принесёт что ворованное - отсеку пальцы.

Его жестокость стала всем нам законом. За всю свою большую жизнь никто из рода Коваленко не был взят милицией, не переступал порог прокуратуры.

Приближалась весна. А для посева и посадки огорода, который собирались копать, не было ни картошки, ни семян. У старожилов, у кого они ещё сохранились немного, недокупишься.

Я рассказал об этом тёте Наташе, сторожихе. Она, видимо, рассказала о нашей нужде Ирине Даниловне и ученикам. За неделю мне одноклассники принесли семян моркови,

<u> Творчество Причулымья</u>

свёклы, капусты и даже укропа. Правда, понемногу. Кто сколько мог. Но нам их хватило. Так голод роднит людей. Но картошки на посадку никто не принёс.

Как мы были рады приходу весны! Вылезали из подземелья грязные, бани общей не было, всю зиму умывались с ладони. Худющие. Но сколько было блеска в глазах! Мы тянули руки к солнцу и первой проклюнувшейся травинке. Рвали её, перемешивая с гололными слюнками.

Как только соціёл снег, папа пошёл в сельсовет, и нам для постройки жилья дали усадьбу в двухстах метрах от станции. Вдоль железной дороги ещё в Николаевские времена (1914 год) были построены три казармы МПС. В двух из них жили работники станции, в третьей – путейцы. За этими домами в степи был сделан заготзерновский барак, и за ним, метрах в ста на бугорке, нам дали участок. Мы были вторыми новосёлами. Первыми – семья бывшего железнодорожника Дельер. Через два года главу семьи Дельер (к сожалению, я не помню его имени) расстреляли за неувязку с властями. Не пощадили и его сына Казика -Казимира, красивого кудрявого парня. Как отца, пустили в расход (расстреляли). Усадьбу и на выбор не возьмёнь лучше: невысокий бугорок, степь, канава и вековая целина для огорода, хоть версту копай. Усадьба есть, а лесу нет. Отец- украинец приехал в Сибирь с родителями в 11 лет из Черниговской губернии, видел, как украинцы саманки.

- А почему нам их нельзя лепить здесь?

Как зазеленела степь, мы спешили за стрелочную будку. Там, между снегозагражденьями и железной дорогой, быстрее, чем в открытых полях, к солнцу пробивались

медунки, петушки. На четверть в оттаявшей земле копали слизун — дикий лук степняков. У него широкие толстые перья и луковицы крупные, с голубиное яйцо, бывают и больше.

Радостью были сочные, белые луковицы саранок. Мы наедались зелени досыта, прямо до тошноты, но острота голода была меньше. Крапиву мама варила, как капусту, и только в ней часто заключался ужин.

Когда с огородов сбегала снеговая вода, мы -я, брат Костя, сестрёнка семи лет собирали мороженую картошку. Мыли её, очищали от слизлых шкурок. Мама картофель сушила. Потом мы её толкли в большой деревянной ступе. Мама эту толчёнку мещала с горстью муки (какую найдёт), замешивала тесто, и мы пекли на печке-чугунке лепёшки, которые шутя драниками. Они были синие, тягучие и запахами, но нам казались вкусными. Мы заглушали голод. А как подсохнут жнивы, шли собирать колоски. Найдя поджаренные, тут же ели, улыбаясь друг другу. Собирать колоски запрещалось. (Мою тётку, родную сестру отца, поймали и посадили, остались трое детей на произвол судьбы. Один умер с голоду, второй на фронте воевал). Сборщиков гоняли объездчики, иногда били плётками. Мы прятались в лопухах, в овражках - где придётся.

Колоски шелушили в ладошках, оббивали палками. Потом очищали на ветру. Сушили в печке, а потом толкли их в ступке. Вкусной была каша с поджарками, пахла степью, пьянила нас, и мы часто засыпали усталые, но покормленные, хотя бы впроголодь.

В августе, как поспеют хлеба и первые морозы подсушат коноплю, мы собирали её в ложках, по пашням. Тогда поля химией не обрабатывались, и её было много. Мы срывали

сухие головки, шелушили и прожаренными в печке толкли в ступе. Получалось вкусное питательное толокно. Ели с картошкой, и никто наркоманом не стал, никто не болел. А подкрепленье было хорошее - на зиму запасали мешка три. Сейчас она персвелась, был, видно, другой сорт.

Отец сам устанавливал столбы для будущей топтанки. Мы с мамой начали копать землю-огород. Вечный целик, утрамбованный копытами многих племён и народностей, был твёрдый, проросший сухоустойчивыми травами, был перепутан жёсткими корнями. Отрезали большими ломтями, дробили лопатами, вытрясали. Такая работа тяжела здоровому человеку. А мама, ночами сторожа на сенопункте, беспокоилась о семье.

Урвав украдкой два-три часа в сутки, истощённая недоеданием, гнулась над лопатою. Мне ещё не было одиннадцати. Но мы, помня переживанья в подземелье, копали, копали... Пока не падали в колючий ковыль.

Помню, в эту пору в 34 году было полное солнечное затмение. В обед стало сумрачно, и всё серей и темней небо и земля. Мама легла на снятый платок, позвала меня: «Иди, сынок, отдохни. Ляг и закрой глаза, не пугайся. Сейчас будет ночь. Солнце от нас скроется. — И, поцеловав меня в щёки, прошептала: - Уснуть бы надолго, надолго. Пока этот кошмар не кончится».

Затмение кончилось. А наши муки никуда не исчезли. Хотелось есть. Хотя бы корочку ржаного хлеба пожевать. И силёнок было бы больше. Так мы рыли весь огород.

С огорода шли копать подполье. Нужна была глина. Привозить нет смысла и сил. Снимали чёрный пласт - квадрат шесть метров на шесть. Чернозём утрамбован веками, накоплен тысячелетиями. Богатая земля, а нам она сейчас была болью и ломотой всего тела. После него пошёл суглинок, и только на глубине полутора метров

началась глина. Отец, а иногда мама утром привозили из водокачки бочку холодной воды. Я на тележке - бочонок ведер пять. Воды надо было много. Накапывали глины и, залив её водой, разминали до густого раствора.

Я оставался в яме (поднимал). В растворе, босый, в ледяной воде, ковшом наливал в ведро раствор, подавал маме на кромку подполья. Мама - на стенку отцу. И всё повторялось снова.

Ноги мои ломило, тянула судорога, потом они как будто каменели.

Но я не имел права кричать от боли, трудно было всем. Мама качалась, от слабости едва-едва держалась на ногах. Отец умирал на глазах. Он сильно, тяжело кашлял. Лёгкие хрипели, как немазаное колесо. Он жил одной верой: отлить топтанку.

Летние дни были тягостно длинные, а пайки маленькие.

На стенки – солому, порченое сено, мякину, привезённые при подчистке сенопункта.

Саша подавал на сменку. Отец укладывал рядками, поливал раствором.

Однажды к вечеру я так ослаб, что поднятое тяжёлое ведро едва дотянул до кромки ямы, не поставил твёрдо на землю. Мама не успела ухватиться за ручки. И весь раствор из ведра вылился мне на голову, плечи, окатил всего до пяток. Испуганный и рассерженный отец выдернул меня за руки из ямы. Вместе с мамой подтащили меня к бочке и поливали из ведра холодной водой, стали оттирать, обмывать моё тело. Я был в каком-то оцепененьи.

Очнулся на русской печке в подземелье, укутанный, видимо, мамой. И представьте, не заболел — ни насморка, ни кашля. Через два дня снова был в яме, залитой водой из водокачки. Месил жёлтую глину, наливал её, густую, в ведро и, поднимаясь на цыпки, подавал десятилитровое ведро наверх.

Казалось, не будет мукам конца. Но день пришёл. Стены были отлиты, вставлены косяки окон. Моя основная работа — с трудом вскопанный огород — зарастал травой. Приходилось полоть каждую грядку, поливать вечером и утром.

Вырвав два - три часа, бегали с меньшим братом Костей в лощину за пучками (борщатником), рвали все травы, какие можно было есть. Как поспела клубника, собирали допоздна.

Многие из сельчан ловили рыбу в речке. Но отец нам не разрешал время убивать попусту. Да у нас и нечем было её ловить. Не было ни сетки, ни крючков. К сентябрю мы забрались в свою топтанку. Неброская на вид, она была тёплая. Её стены ветер не прошивал. Было тепло и, казалось, удобней. Беда — не было крыши. Не за что покупать тёс, и таскать камыш от речки некому и далековато. Отец едва ходил. Подкрепить его было нечем. Картошка в огороде выросла мелкая — стояла жара. Много поели полёвки-мыши.

Приближалась зима, а бед не уменьшалось. Пайки были те же. Подсобного хозяйства завести не могли. Ни еды, ни топлива. Одно утешенье — свой угол, даже своя русская печь, сбитая из глины своего подполья. Её мама топила полынью, которая росла повсюду.

Отец ни одной минуты не был без работы. Правда, новые сапоги шили редко, мало у кого была кожа, а за подшивку платили мало. Кто принесёт чашку солёной капусты. Кто котелок картошки или пескарей. Этим только и подкармливались.

Меня мама научила вязать сети. Нитки пряла из кудели, какую могла достать: конопляную, льняную.

Всё время после школы, выучив заданные домой уроки, я вязал бредень. Ячейки – едва пролезает палец. Вязал

вслепую. Семилинейная лампа стояла на столике возле стола. Но я наторел и в сумраке туго затягивал узел за узлом. За зиму сплёл двенадцатиметровый бредишок.

Приехавши из тайги, где только ключи в незнакомой речке, приходилось искать, осваивать места. Плавать я не умел. Несколько раз захлёбывался в ямах, запутывался в водорослях.

Но сколько было радости, когда мы — брат Костя и сестрёнка Фрося - принесли почти полное ведро разной рыбы — и сорожки, и окуней, и пескарей, и... даже две щуки четверти по три длиной каждая. Мама нажарила сразу две сковороды. И, наверно, съели бы ещё, да она предостерегла: «Сильно не переедайте. Тошнить будет. Животики вздует».

Так мы открыли для себя надёжную поддержку. Опережая, скажу: рыболовство. И охота в нашей семье стала верным подспорьем в жизни.

Жители таёжных, лесных деревень привыкают к грибным блюдам. Грибы жареные, солёные, сухие. Какие в чём и чем привлекательней, вкусней. А на степной станции их редко кто брал, надо ехать далеко...

Потянуло маму в бывшую родную деревню. Там кругом их сколько надо и каких надо.

- Пойдём, Петя, в Ключи. Тридцать пять вёрст не так уж далеко.

Отец приготовил нам двухколёсную плетёшку. Закрепил на ней бочонок и, сложив в него нашу одёжку, благословил нас с мамой в путь.

На маме чёрная кофта—из приданного, уже изрядно поношена. Юбка байковая, ботинки мужниной работы и синяя косынка. На мне всё подаренное щедрыми учениками.

В бочонке, завязано узлом, полбуханки хлеба и бутылка

воды. Мои сапоги, правда, крепкие, но тяжеловатые.Я впрягаюсь в тележку, мама сбоку – тронулись в дорогу.

Вместо мамы в саманке осталась хозяйкой Валя. Надо поливать огород, присматривать за отцом. Сгибался, старел на глазах.

Утро было тихое, тёплое. Дорога слегка пылила, но была твёрдой и ровной.

Шли вначале ходко. На косогоры тележку приходилось подталкивать. Под горку держать, чтобы не укатилась вбок.

Кругом поля, засеянные хлебом, желтеют. На лугах шапками монголов бодрят зароды. Но сенокос ещё не закончен. Есть ещё несграбленные ряды, досыхают. На ноги в одиночку и кучками прыгают кузнечики. Стрекочут, наполняя степь древними мелодиями. И чем выше солнце, тем их больше.

К полудню мы подтомились. Присели отдохнуть. Растомились, но надо вставать. Шли уже медленней и трудней. А было пройдено только полпути. Вода в бутылке кончилась. А жара после обеда стала томительней. Косогоры, чем ближе к тайге, становились круче. Неожиданно с запада потянул ветерок, вначале небольшой, и усиливался быстро. На небе показались, как береста берёз, тучки. Они сгустились, чернели и тяжело ползли за нами вслед.

- До родной деревни нам, Петя, сегодня не дойти. Скоро сумраки наступят и дождь зальёт, - сказала мама, с тревогой посматривая назад на лохматую тучу. — Свернём на пасеку, - показала рукой на чернеющую в распадке у ключа избушку. — Мы там два раза с отцом твоим были — ездили покупать мёд и даже раз ночевали.

Свернув на чуть заметную тропинку, подхлёстываемые ветром и дождём, мы быстро скатились в распадок.

<u> Пворчество Причулымья</u>

Избушка — небольшой крестьянский домик — была не замкнута. Промокшие насквозь, мы с облегченьем вздохнули, оказавшись под крышей. Ушедший перед нами человек, видно, ещё соблюдал обычаи таёжников. У чугунной круглой печки лежала добрая охапка сухих дров, береста, и в коробке десяток спичек. А на столе лепёшка ржаного хлеба, уже ставшая сухарём. Для нас это был неожиданный рай.

Мама быстро растопила печь. Вскипятив чай, мы сели ужинать. Какой вкусной была чёрная с колючками лепёшка! Каким добрым был незнакомец, поделившийся пайкой...

Ночевали на типичном, из жёрдочек, настиле, на котором пахла мятой высохшая трава с горы. Ночью никто не беспокоил. Да мы были так уставшие, что, наверно, бы и не слышали.

Проснулись, когда солнце заглянуло в избушку сквозь потрескавшееся стекло. На столике играли зайчики — раздробленные лучи солнца. Освежённый добрым тёплым дождём, весь лес — березняк сверкал каждой веткой, каждым листиком. Весело перекликались птицы. И, как всегда, не меняя нот, играл на перекате ключ.

Росы не было. Трава и без неё была мокрая. Грузди налились у опушки. Под пышными кронами берёз, в тени косогора, ошпаренные тёплыми дождями, они дружно высыпали грядками и поодиночке. Сочные, крепкие, с желтоватой бахромой. Мы резали их на корнях, под шляпку, каждый внимательно просматривая и очищая. Мама раскладывала их друг против друга рядками.

- Бери путние, напоминала мама. А красивые не трогай. Это мухоморы. Положишь совсем испортят всю бочку. К обеду мы груздей наложили почти полный бочонок.
- Хватит! махнула рукой она. Дорога дальняя. Вон какие полъёмы.

Из разложья (оврага) выехали с трудом. Каждый шаг внатугу. Боялись: скосит — свалится всё с тележкой вниз. Но кое-как выбрались на дорогу.

- Может, кто попутно будет ехать, подвезёт. Хотя бы за первую деревню. Там степь ровней, легче будет, - рассуждала мать.

Несмотря на занятость, организм требовал своё — хотелось есть. Животы подтянулись, как у гончих. Но кроме травы да овса, который был ещё зелёный, ничего съестного.

Только к вечеру остановились у питательного поля пшеницы.

- Рви колоски подальше от телеги и сразу обшелушишь, очищенные разбрасывай. Не дай Бог найдут. По десять лет дают за десять колосков.

Пшеница уже налилась, но ещё не доспела. Зёрна хорошо жевались, и мы, подкрепившись, тронулись в путь.

На лугах шла работа. Ещё мелькали сенокоски, метались зароды. Шла горячая страда сенокоса к завершению. Кто был занят огородами, скотоводством.

Нас обогнала почта. В дрожках сидели две женщины. Мама не думала их останавливать. Почта прохожих не берёт — запрещено. Проехал на дрожках мужчина. Конь шёл быстро. На маханье матери рукой — просьбу

остановиться – он даже не повернул головы. Видно, запятый сильно бригадир или ещё какой начальник.

- Эх, Петя! Тянуть нам до дому самим.

Мама платком вытирала потное лицо.

Оставалось сщё километров восемь. Гружёным — три часа ходу. Солнце уже к закату клонится. Мы только проехали деревушку. Навстречу по этой же дороге идёт стадо скота смешанного: и коровы, и подростки. Большой красный (рыжий) бык верховодит табуном. Мы заранее свернули на обочину, уступая путь табуну. Но бык, увидев нас и тележку, изогнул шею дугой, закопытил. И, выставив вперёд прямые, как штыки, рога яро бросился вперёд и смаху сбил на бок тележку. Вторым ударом, как футболист ногами подбрасывает мяч, поддел бочонок на рога и мотанул вверх. Наши грибки, обмытые потом, полетели в разные стороны, как горох из рваного мешка.

Перепуганная мама, плача, заслонила меня грудью от разъярённого быка.

Из деревни верхом вскачь на рыжем коне мчался пастух, размахивая плетью. Что-то кричал, материл нас, что мы не уступили дорогу стаду. Спорить было бесполезно.

На обочине, в дождливой жёлтой луже, на выпавшем из бочонка грибе уже уселась лягушка, выпучив от удивления глаза: «Что происходит в мире?»

Я, увидев лягушку на необычайном пьедестале, оцепенел. Во мне что-то перевернулось, обострилось. Всё кругом становилось непонятным, особенным. Я понял: кончилось страшное детство. Началась более страшная юность, жизнь.

До саманки домой мы добрались впотьмах. Отец, увидев покалеченную тележку без бочки, наши изнурённые лица,

не сказал ни слова. Он не стал расспрашивать, что случилось. Сильно скрипнул крепкими зубами. И даже при бледном огне я увидел, а может, мне тогда так показалось, его глаза затмила чёрная туча, как навалилась на нас, когда мы шли за грибами.

Отец наперёд видел, что ждёт его и его семью приближающейся зимой....

Жизнь подбрасывала испытанье за испытаньями.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

После войны годы были трудными. Паёк был тот же. Животы подводило к позвоночникам. Кто был здоров – изыскивали дополнительно добавки к еде. А инвалидам оставалось терпеть.

За зиму я связал маленькую зыбку – большую не подниму. И, как заиграло половодье, кое-как добрался до плотины, к мельнице, где весной рыба из русла речки пробивается в пруд, здесь её легче поймать.

Доехал до плотины попутно на бочке. Рыбаков было немного. Погода пасмурная, рыба попадалась плохо.

Заморосил дождь. Мы на плотине остались вдвоём с селянином. Он жил в землянке, как и мы, недавно. Мужчина лет тридцати работал водовозом на одном предприятии. Года два назад схоронил жену. Один воспитывал двоих детей, ростил в бедноте. Как и я, на рыбалку приехал с попутчиком, и домой пешком не хотел идти пустой. Может, ночью рыба пойдёт.

Но рыбка не торопилась попадать в сети. Редко прокинется окунёк, мелькиёт сорожка (плотва).

Наступила ночь, тёмная, сырая. То и дело принимался идти дождь. На мне уже изрядно промокла старенькая курточка. Но я пока не мёрз. Было сравнительно тепло.

К полночи рыба стала попадаться чаще и больще. Я наловил около ведёрка, жарёхи на две. Так же добывал и напарник.

Сильно захотелось есть. Я возле стенки мельницы заметил кучку старых камышей. Кто-то подстилал место сиденья. Разжёг костерок, выбрал покрупней двух окуней и, посолив их, зажарил на костре (без хлеба и соли рыба

<u> Пворчество Причулымья</u>

вызывает тошноту). Очистив от чешуи и гари жареное, аппетитно зачмокал губами.

Кто-то тронул меня молча сзади. Оглянулся. Оставшийся на рыбалке сосед протянул мне кусочек хлеба и такой же кусочек свежего сала.

- На, друг, червячка замори. Вижу, голодный ты. Плохо мы о вас, искалеченных, заботимся.

Больше ни слова не выронив, пошёл поднимать зыбку.

А я знал: он сам ел только вприкус, всегда впроголодь.

- Я, подкрепившись, потянул свою сетку. Что-то чёрное, большое отяжелило, вдавило её в воду.
- Что-то попало крупное! крикнул я.

Подбежал сосед. Вытянули зыбку.

Женский старый сапот! Как он слез с моих пот?

Как я могу ошибиться? Это сапоги моей жены. Я обул, уходя в ночь.

Мы перебирали необычную добычу в руках, и вдруг расхохотались. Да как же было не смеяться, когда слёзы повисли на ресницах.

Мне тогда вспомнился крутой момент в жизни.

Тяжело раненый, я десять дней ничего не держал во рту. Строгий запрет врачей. Иначе смерть. Израненный в двенадцати местах тонкий кишечник, резекция сто шесть десят сантиметров, надо лечить не только иглой и лекарствами — терпеньем. И я терпел. Но каждому терпенью есть конец.

Пошли одиннадцатые сутки. Есть хотелось до крика. Я просил дать хоть кусочек, хоть понюхать. А меня молча положили в кузов грузовой машины, на пол, прикрыв старой шинелью, перевозить дальше. От полевых госпиталей, кроме меня, ехали ещё солдаты...

<u> Пворчество Причулымья</u>

Возле машины стояли две девушки, о чём-то разговаривая между собой. Обе в новых шинелях, шапках-ушанках. У одной под мышкой я видел горбушку хлеба.

Машина уже заработала, задымила. Я крикнул, не мог сдержать стон.

- Дайте, девушки, хлеба. Есть хочу...

И когда тронулась машина, к ногам моим упал кусок хлеба. Я съел солдатский кусок хлеба по крупицам, целуя каждую крошку. Вкусней и лучше я никогда ни до, ни после не ел. Съел всё и уснул.

Разве я забуду этих девушек, их сердечность и доброту человеческую? Разве забудешь односельчанина, который сам был голодный, отдавал мне последний кусок. Его имя Давыд Иванович Терещенко. Человек, который в 25 лет овдовел, вырастил семью и мирно ушёл из жизни. Никогда не забуду сельчанина-старика Ядрышкина, который бросился в половодье спасать человека, которого не знал.

Вот на таких стоит и будет стоять русская земля.

Разве можно забыть человеческую доброту, душевность. Стремление помочь в беде другому? Старик бросается в ледяной омут спасать неизвестного, сам еле-еле дышит от худобы. Больного рыбака-вдовца, который мокнет под дождём, ловя для семьи рыбу, делит кусочек лепёшки, не зная, когда он будет держать в руках пайку, варёную картошку...

Девчонок-солдаток, идущих в бой, которые бросают раненому, беспомощному человеку горбушку хлеба в уходящую машину. Этих девушек я и в 90 лет вижу во снах. Вот на таких сильных духом людях выстояла Россия.

ВЕРХОМ НА ...КОЗЛЕ

Рассказ из жизни бывалого охотника

Снег шёл всю ночь. К утру выпал по колени. Пушистый, мягкий, повис кухтой на ветках деревьев. В такую погоду охотники-козлятники не спят. Коза по тайге спешит перебраться в лесостепи на просторы, где снегу меньше и корма больше. Её и встречают на переходах.

Пошёл и я. Место засидки было недалеко, но по лесу чем тише идёшь, тем больше увидишь. И снег, хотя и нетвёрдый, но не разбежишься. Каждая ветка окатит с головы до ног лебяжьим пухом.

К намеченному месту добрался – уже солнце выглянуло изза леса. Справа, внизу, - горный ключ, и зимой не замерзает. Прямо – овражек с крутыми берегами. Слева - косогор, заросший березняком и ельником. Вот по этому овражку и проходят козы.

Выбрал место засидки под надрубленной берёзой, хорошая маскировка и обстрел неплохой. Усаживаюсь под берёзой и вижу: на дне оврага три глухаря сидят на талине. Не верю себе: глухарь на кустарнике! Стрелять по птице, если охотишься на зверя, не надо. Но упустить такую крупную добычу мне неохота. Упора для стрельбы нет. С колена — цель не видно. Стреляю навскидку. Цель исчезла. Я — к овражку. И прямо передо мной, чуть мне головой не сунул в лицо — козёл! Он, увидев меня, крутанулся и исчез в овраге. Я прыжком за ним. Прыгнул прямо на спину козла. Переполоханное животное прыжками помчалось вниз, и я на нём, как бывалый наездник.

Всё произошло так мгновенно, неожиданно. Прогарцевал метров двести, ухватясь одной рукой за рог. Другой, пригнувшись, тянусь к шее. И кубарем с козла падаю...

До пояса в ледяной воде ключа. Туловище — на берегу в снегу. Прыжком через ключ козёл избавился от лихого наездника. Лежу в снегу, сжимая в руке рог с пятью отростками. Козёл уже на другом косогоре. А где карабин? Пришлось подниматься в гору по снегу. Карабин нашёл недалеко от берёзы.

Напрасно лазил по снегу внизу оврага, искал убитого глухаря. И после напрасных поисков убедился, что я стрелял в лежащих коз, приняв их головы за птиц.

Подсушившись за ночь на ночёвке, следующее утро я встречал уже у памятного оврага. Азарт взял: подкараулю я коз на переходе. Так же, как вчера, было тихо в лесу. Только дятел - красавец стучал в ствол старой осины. Он мне не мешал. Я удобно уселся под кроной берёзы и стал озирать обстрел. Когда долго на что-нибудь глядишь — утомляешься. Меня потянуло ко сну. И грохот... будто весь овраг куда-то провалился. Меня крепко качнуло. Выстрел! Я подпрыгнул. Пуля расхлестнула грудь моей неразлучной дошки.

На той стороне овражка стоял охотник, размахивая для чего-то шапкой. Он, перепуганный случившимся, видимо, хотел бежать, упал и, тяжело поднявшись, пошёл ко мне.

Может, он хотел убежать с места происшествия и, споткнувшись, упал. И, осознав, что от случившего не убежишь, поднявшись, пошёл ко мне. Это был тракторист из соседнего села. Мы с ним раз несколько встречались на охоте, но близко знакомы не были. Испуг на его лице ещё не прошёл, губы тряслись. По щекам стекали капли пота, смещанные со слезами. Пальцы сжимали смятую шапку.

Подойдя ко мне, он склонил голову:

- Ты прости м- м-меня. Не тебя я стрелял – козу. Вижу, на лёжке улеглась, и пальнул круглой пулей. Хотел крупной

картечью. Бог руку отвёл. Убил бы безвинного человека и себя посадил в тюрьму.

У меня по коже, с опозданьем, сыпанули мурашки страха. Вот бы поохотился...

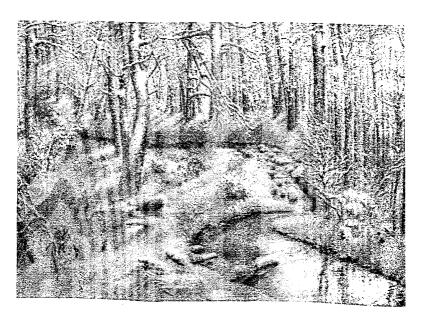
А он просит меня:

- Сними эту дурацкую шубку. А то застрелят тебя.

Пуля вонзилась возле меня в берёзу глубоко. Ножами не выколупаешь. До сердцевины её, русую, прожгла. Весной соком станет залечивать рану.

Вернувшись домой, я козлиную дошку подстелил собаке. Рог козла с деревянными отростками вмонтировал в деревянный круг и прибил к стене возле своей кровати. Как наглядное воспоминание о пережитом приключении.

Больше я на козьи переходы в засидку не ходил. Зачем испытывать судьбу? И правда, могут подстрелить, как козла. Лучше походить по лесу, побольше увидишь.

ЭТОГО НЕ ЗАБУДЕШЬ

Половодье в Причулымье размашистое, шумное. С запада – горы Кузнецкого Алатау подпирают Белые озёра. Ключи и речушки, переполненные снеговыми водами, устремляются в озёра, к распахнувшимся полям и лугам, на которых куда ни взглянешь, сверкают серебряные блюдца снеговой воды и два Косогольских озера – Большое и Малое, извечная трасса перелётной птицы.

Я любил и люблю эти места. Здесь есть что поглядеть, есть о чём подумать...

В такую пору я приехал к плотине, из которой вырывается речка Сереж. Она в летнее время неширокая, а в половодье разливается по пойме на пять-шесть километров.

Был закат. По хмурому небу тянулись гряда за грядой серые тучи. Рыбаки, опасаясь ненастья, сматывали зыбки, спешили домой. Я решил остаться. Если рыбаку и охотнику убегать от каждой тучки, то только и будешь месить дороги.

К сумеркам остался один старик на противоположном берегу, на другом — я. Зыбку я, по ранению, не мог поднимать каждые пять-шесть минут. Распустил по быстрине через омут тридцатку - сеть, выплыл на берег. Накрылся от дождя одноместной резиновой лодкой, утомлённый за день, быстро уснул.

Проснулся – уже серело. Недалеко на озере перекликались гуси, готовясь к полёту на кормёжку. Надо и мне снимать сеть.

Как ночевал в лёгком полушубке, в резиновых рыбацких сапогах, надвинув на затылок ушанку, выскользнул на быстрину. Подхваченный волнами, как пёрышко ветром, плыл к сети. И сходу врезался во что-то твёрдое, чуть не

вылетел вперёд из лодки. Хватаюсь одной рукой за спускающую лодку, другой – за конец сети, в которую вода принесла с огорода деревянный столбик метра два длиной, весь в гвоздях, как ёж в колючках.

Тянуло вниз быстро. Всё глубже погружаюсь ко дну. Кричу, как могу, захлёбываясь водой, перепуганному деду: - В люльке... в-в-верёвка!...

Дед сбегал, как смог, принёс бечёвку, но дальше половины омута докинуть не может. Я то ухожу в воду, то выныриваю. Вижу ещё: старик скидывает с себя одежду, разулся и с берега ... в омут...

Я видел, как он повис над омутом и... больше я ничего не видел.

Очухался, уткнувшись в песчаный берег ниже сети метров сто...

В руке, как спасательный шарик, пузырь, наполненный воздухом, зажатый в кулаке. Надо мной — измождённое старческое тело.

Он поднял меня, довёл до мотоцикла. Это был односельчанин, с которым я раньше никаких контактов не имел. Старик семидесяти лет бросился в холодный поток воды спасать человека. Вот в чём наша сила сибиряков! Тогда и после я его на речке не встречал. Но узнал его фамилию (имя, к сожалению, не помню). Это был Яркин, живший на Спортивной улице нашего посёлка. Низко кланяюсь ему. Горжусь, что на нашей земле ещё живёт дух старожилов.

Передохнув от пережитого ужаса, я разделся донага, вытащил за конец из воды сеть. Какие хорошие, крупные попали в неё ельцы! Черноглазые, сверкали заманчиво серебряной чешуёй.

Звали на быстрину!

МЕДВЕДЬ

Быль-рассказ в сокращении

Ехать в тайгу за ягодой нас, степняков, собралось 15 человек. В условленное место пришли вовремя все. Расселись в машине на скамейки, ближе к кабине – женщины.

Перед самым выездом к шофёру подошли два цыгапа. Они в наше село приехали недавно, и пока нигде не работали. О них мы ничего не знали. Шофёр Григорий не стал их расспрашивать. Махнул рукой:

- Садитесь!

Время уже перевалилось за обед. По небу, как парашютики, белые тучки. Встер шаловливо гоняет их по вольному простору. Легко дышится и нам.

Дорога идёт по степи. Кругом кипит полевая работа. Ещё порядком не убрано сено, а на нивы вышли комбайны. Потеют у многих рубахи. Но нам не стыдно. Мы лето тоже отрабатывали на предприятиях. А ждать сентября резона нет.

Цыгане, поставив ягодники к боковым стенкам, уселись на пол. Один был лет сорока, подвижный, как ртуть. Чёрные глаза, как суслики у дороги, бегают с одной стороны на другую. Молча сосёт папиросу. Его наши мужчины стали звать Юрий. Другой — лет шестидесяти. С раскидистой чёрной бородой, по которой, как метёлки ковыля, серебрит седина. Руки, видно, натружены. Чернят бороздками морщин. Но ещё крепкий. Держится уверенно, просто. Николай. Неторопливым взглядом осматривает едущих.

- Что, любители природы, в тайгу потянуло? спросил наш вожак Миша фронтовика с пытливым взглядом и с безобидной улыбкой, которая не сходила с его лица.
- Время есть почему не съсздить? И в тайге я давно не был... Хочется...

- Что, медведя хочешь поймать? опять спросил Миша.
- Зачем мне медведь? Прошлое ворошить не хочу. Поплясал я с ним...
- И, чтобы прервать разговор, повернулся лицом к борту.

В подтаёжной деревне Малиновка (какое верное, нежное название) подъехали к магазину, подкрепились продуктами, не забыли и крепительного купить.

Время было вечернее. К Агатке – кипучей горной речке – добрались, когда солнце склонилось к хвойным кронам. Агатка неширокая, но капризная. Правый берег крутой, переездов мало. Берег заросший черёмухой, смородиной и другими кустарниками. Сразу же за нею начинается тёмная хвойная тайга. Ельник, сосняк свечами поднялись к небу. колёс выступает Дорога узкая, часто из-под Степняков хмелят запахи хвои, смолы, медоносного кипрея. Мелькают по кустарникам пернатые. Небо – узкая просека. Между стволов деревьев иногда мелькает синяя стрелка Агатки. Она между скал делает петли.

Для ночёвки выбрали место повыше. Дальше дорога обрезается бегущим с горы ключом. Он впадает в речку.

Мужики принялись заготовлять для костра сухостой, женщины расчищали место для ночлежки. Цыгане тоже трудились со всеми.

А наш Михаил Трофимович спустился в распадок к речке разведать, есть ли смородина и сколько? Сборщиков было много.

Вернулся он из разведки в сумерках. К этому времени уже горел костёр. На расстеленном брезенте разложили ужин. Съедобного было много и разного. Ждали только его.

Михаил в вещмешке принёс кедровые шишки и полведра крупной чёрной смородины.

- Налетай, кто смел. Только больше двух шишек не берите - чтобы всем хватило. И вы берите, - сказал,

<u> Пворчество Причулымья</u>

повернувшись к цыганам. – Будьте, как все, равными.

Ужин был весёлый, с шутками и песнями. Даже шишки в костре пекли. Потом, обжигаясь, щелкали горячие орешки и сквозь слёзы смеялись.

Выпив второй чебарик, закусив, вожак наш молча задумался.

- Что ты, Михаил, приумолк? спросила его Нина, соседка.
- Года два ночевал я здесь. Так мы всю ночь глаз не сомкнули. Медведь вокруг шатался, рявкал, выгонял нас. Я сейчас проверил ходит он здесь или куда ушёл, может, охотники взяли. На тропе, как и тогда, свежие следы. Ещё и небольшие есть. Видно, медведица с детьми здесь живёт. Как нам быть?

Все молчали.

- Я думаю, нам надо лесную хозяйку заранее отпугнуть... Как вы думаете, цыгане?
- Мы не против. Как все, так и мы, сказал старший.
- Тогда за мной. Есть у меня здесь кое-что, похвалился Михаил Трофимович. Достал из кузова стальные петли. Пошли! Возьмите топор, а ножи у вас есть.

Под наклоном большой черёмухи на медвежьей тропе укрепили две стальных петли, замаскировав надёжно ветвями. Цыгане сели поодаль от петель по обе стороны, поставив яголники в головах.

Михаил Трофимович вернулся к костру весёлый и бодрый.

- Стража надёжная. Вы спите, - сказал он своим попутчикам. - А я костёр покараулю. Лесники наказывали, чтобы огонь без надзора не оставляли. Я посижу, пока утихнет пламя.

Провести ночь у костра — как свидание со сказкой. Каждому смотрящему видятся разные видения. Вот по поленьям бегают горностаи, играют, обнимаются и, вдруг вспыхнув, искры дружными золотыми нитями тянутся

вверх и... дробясь на звёзды, летят к небу.

Прервав дрёму, Михаил вскочил на ноги. Надо проверить, как сторожа долг выполняют.

А цыгане, проводив наставника к костру, достали из ягодника двухпудовый капкан и установили его перед петлей, присыпав листьями и мхом, отошли от тропы на безопасное место, легли отдохнуть от шумного дня.

Дремучую тишину таёжной ночи потряс не то крик, не то рёв зверя. Все всполошились, с тревогой глядя друг на друга. Присматриваясь в сумерках: кто? где?

- Нет Михаила!

Мужики, схватив кто нож, кто рукоятку машины, кто попавшую под руки палку, придерживая друг друга, побежали к ключу, к развесистой черёмухе.

Уткнувшись головой в мох, лежал поводырь Михаил Трофимович. Его нога была зажата скобами огромного капкана. А грудь перепоясывала стальная петля. Подбираясь к сторожам по тропе, он угодил в ловушку (капкан) и, барахтаясь в ветвях черёмухи, захлестнул на себя петлю. Её открутили быстро. А капкан и привязь капкана укреплялась гайками. Где взять такой ключ? Спрашиваем цыган:

- Вы ставили ловушку? Где ключ?

Цыгане махали руками и клялись: капкана никогда не ставили. Видно, лесник или охотники настораживали ловушки.

Кое-как под капотом машины нашли ржавый ключ. Пленника освободили от капкана у костра. Мужики приютили его на ночлег на палатке. Он тяжело стонал. Нога опухла. На скобе капкана оказался зуб. Он пробил кожу. Кровь залила ступню, струйкой сбегала на брезент. Закрутили рану платками, полотенцем. После рентген обнаружил трещину кости.

Раненый много пил и сжимал кулаки:

- Я вам, медвежатникам, покажу ещё!...

В его силе никто не сомневался. Идёт — под ним земля прогибается. Поздоровается, легко подёргав кисть, - неделю руку не поднимешь. Что было бы с цыганами? Представить страшно. Но они так же незаметно, быстро куда-то исчезли. И в селе их больше не видели.

Сбор ягод был двухчасовой, и то все успели набрать по ведру и больше чёрной, красной смородины. Михаил Трофимович, которому тут же прилепили кличку Медведь, пролежал в больнице два месяца. Домой пришёл с костылём, волоча раненную ногу, как подстреленную лапу.

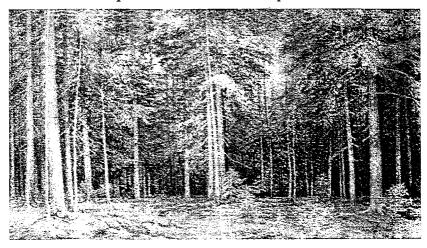
- Медведь, куда пошёл? – спрашивали его при встрече знакомые.

Если Михаил Трофимович был в нормальном настроении — бодро отвечал:

- В тайгу. Хочешь? Потопаем.

Если чем-то огорчён, стучал по земле костылём:

- Я ещё докажу, кто медведь! Хотя якуты говорят: «Медведи – мирные люди». Я тоже мирный медведь.

МГНОВЕНЬЕ

Быль

Открытие охоты в том году было последним днём лета. Чтобы не спотыкаться впотьмах на полевых дорогах, я поехал на велосипеде к степному озерку, затерянному в необъятных просторах Причулымья.

Вечер был тихий, тёплый. Накануне прошёл дождь. Земля парила, нежилась под яркими лучами солнца. Глаза зеленила распахнутая равнина. На дорожных лужицах посвистывали кулички. Стайки диких голубей, утолив жажду, тут же щипали зелень.

Мой молодой сеттер, набегавшись за птицами, бежал сзади. К озерку добрались до заката солнца. Ночевали возле зарода. Накрытая звёздным колпаком, мирная степь жила волшебством. Каждая травинка о чём-то шептала, пленила запахами и шелестом.

И хотя я был легко одет, вольготно уснул. Проснулся в сумерках. Седые бороды тумана густо устилали землю, клочьями висели на ветвях тальника, долго закрывали восхол солнца.

Но хлопки выстрелов уже разбудили округу.

Я не буду утомлять читателя подробностями охоты. Она была удачной и впечатлительной.

Утро было ещё чудесней вечера. Тонкие волокна тумана, сливаясь с радугами солнца, волнистыми косами расстилались над землёй, а местами, наоборот, поднимались вверх, образовывали мелкие облака, и, как стадо ягнят, медленно куда-то уплывали.

Не было назойливых комаров, как на закате. Умытая тёплой росою трава зеленила, как весной, хотя осень уже брызнула желтизной.

Я легко ехал по неторной полевой дорожке. Поравнявшись

с небольшой мочежиной, окаймлённой мелким ивняком, остановился. Мне приходилось здесь с подхода брать на взлёте ожиревших крякашей.

Оставив велосипед на обочине, я тихо подошёл на угол тальника. Казбек, обнюхивая кочки, потянул вдоль распадка.

Я, очарованный красотами степи, всматривался в даль. Мне хотелось всё увидеть, услышать. Я отвлёкся от охоты. Кто-то легко коснулся моих ног. Да это же Казбек! И, приподняв голову, я увидел падающую на меня чёрную глыбу. Мгновенно приложив приклад к плечу, я выстрелил. Чёрная глыба упала в двух шагах от меня. Широко раскинутые крылья, выставленные вперёд мускулистые лапы, с острыми большими когтями и большим крючковатым носом, устремились на меня.

Красивое тёмно-бурое оперенье, белый, с бурым окаймлением хвост украшали птицу. Это был белохвостый орёл. Большой и красивый, даже от мёртвого не хотелось отводить глаз.

Перепуганный пёс, ему только исполнилось семь месяцев, не отходил от моих ног.

И сам я стоял, как опалённый молнией, ещё полностью не осознавая, что произошло.

Я поднял сражённого орла. Он был тяжелее дикого гусягуменника. Подойдя к велосипеду, в одной руке держал мёртвую птицу, другой, наклоняясь боком, потянулся к велосипеду, и рывок в живот... Моя рубаха и костюм были зажаты в когтистых клещах. Мёртвый орёл на мгновенье, в судорогах, чуть не вспорол мне живот, как осколки фашистского снаряда. Что было бы со мной тогда, если бы его больщие когти впились в мой и без того изрезанный живот?

Кое-как я освободился из орлиного плена. Скажу правду,

<u> Пворчество Причулымья</u>

тогда я не испытал страх. Я, пережив схватку, любовался гордой птицей. Мне было жаль его.

Вернувшись домой, я бережно снял с него кожу для чудесного чучела.

Но, коснувшись кровати, два дня был в бреду. Пережитое потрясло меня. Всколыхнуло вновь давно пережитое раненье.

Когда очнулся, приготовленная к чучелу шкурка подопрела. А какой был бы редкий экземпляр!

Охотясь в Причулымье, в горных Саянах, я никогда не встречал, даже не видел издали таких красавцев.

Хочу один раз, первый и последний, сделать поклон войне. Она научила меня чётким быстрым мгновеньям, которые не раз спасали мне жизнь.

И до сих пор жалею, что убил эту птицу, но другого выхода не было.

РОКОВАЯ ОШИБКА

Многие охотники при неудачных промыслах обвиняют ружья в плохом бое. Есть, конечно, в этом доля истины. Но мы часто забываем, как приготовились к охоте, чем нас влечёт этот древний вид? Забываем, как и чем заряжены патроны.

Мой отец - мастер сапожного дела. Сшитую им обувь надевают без носков, никогда не потрёшь ноги. А патроны заряжал наспех. Вставил пустой, насыпал на глазок порох, сунул два, три клочка бумаги в патрон, пристукнул для прочности пару раз монеткой и - патрон заряжен.

Мне было двенадцать лет, когда я впервые упросил отца дать мне ружьё сходить на охоту.

Тридцать пятый год, как и многие, был голодный. Может, что добуду. Отец дал три патрона собственной зарядки - тогда готовых патронов, особенно в деревнях, не было, да и брать их было не за что.

Вдвоём с меньшим братом десять лет мы дошли до озера километрах в пяти от жилья. Вечер был тёплый, конец августа спешил насытиться своими правами. Вся нежность в тепле, в синевых степных просторах.

Сворачивая к озеру, я стал заряжать одностволку. Патрон в поперечник ружья залез только наполовину. Я легонько принажал его, но он не поддался в ствол ничуть. Я взял с откоса дороги голыш с небольшое куриное яйцо и легко ударил по застрявшему патрону...

Больше я ничего не видел. Обожжённый, упал на бровку дороги. Кровь залила глаза... Огнём горела щека. Я, как в страшном сне, помню выкрики, плач брата. Чья-то женская рука мокрой тряпкой обтирала лицо.

Я голышом угодил по пистону патрона. Ружьё в трёх шагах от меня нашли в осоке. Патрон чудом не снёс мне пылкую голову.

Таким я был доставлен домой добрыми незнакомыми людьми.

Говорили мне после, что отец меня на этот раз не ругал. С завязанными тёмными глазами и опухшей синей раненой щекой отвёз меня в районную больницу. После осмотра врачами отец довёз меня до вокзала. Любопытных знать, что случилось с мальчиком, было много. Но родич хмуро молчал, пряча в кармане пузырёк с лекарством - капли в глаза. Помню цыганский женский голос. Незнакомка взяла мою руку и, перебирая мои пальцы в своих, что - то говорила отцу. Никогда не забуду её слова: «Сбереги мальца. Он какой-то не такой, как мы. Вот тебе отдаю последний запас мази. На ночь путём аккуратно смажешь глаза ему... Если это не поможет...» Она вздохнула и ушла. Но её вздох боли я чувствую до сих пор.

Вечером мне мама намазала глаза цыганским даром. Оно ни щипало, ни кололо, ни жгло.

Уснул я крепко. И, наверное, надолго. Проснулся, боясь открыть ресницы. Открыл и от радости громко заплакал от счастья. Я видел маму, папу. Солнце, обильно хлынувшее в окошко.

Я вернулся в мир света, жизни. Раненая щека зажила. Стала синяя. С пятнами несгоревшего пороха. Когда ранки зажили, я тайком от отца вырезал их возле зеркала его опасной бритвой. Всю зиму я оперировал себя, как мог. К лету моё лицо, отболев новыми ранками, приобрело обычный цвет.

Вот вам, охотники, роковой пример неправильной зарядки патронов.

ШИШКАРИ

Быль

Тайга! Кто хоть раз окунулся в её объятья, никогда от неё не уйдёт. Она завораживает человека древним величием. Таинствами, которые веками копились, нагромождая друг друга. Её молчаливое гостеприимство, пьянящие запахи ошеломляют нас.

Мы, вступая в её многообразный мир, прислушиваемся к её шорохам, пьянея от ароматов хвои и смолки...

Вы никогда не забудете увиденного.

Мой сосед Прохор Кузьмич - человек, за шестьдесят лет повидавший многое. Как только сентябрь затрубит тревожными ветрами, приходит ко мне, бодро подтянутый опояской, бойко загадывает загадку за загадкой.

- Знаешь, какая пора наступила? Медлить некогда. Шишкобой кроны быстро отряхнёт. Когда мы в родные заповедные места маханём?

Отговариваться бесполезно. Я осматриваю свой вездеходик. И, собрав всё необходимое для шишкарей, мы трясёмся по полевым дорогам, к матушке - тайге.

Кроме Прохора, ещё один сельчанин не новичок в таёжном мире. Не раз обжигал язык о раскалённые орешки. И заранее причмокивает и глотает слюнки.

До намеченной ночлежки доехали без приключений. Несколько раз торопливый дождь быстро проходил. К вечеру мы остановились у кедровой высотки.

Направо и налево нетронутая тайга. Впереди, метрах в ста от избранного бивака, бойко резвится ключ. Справа вековые кедры на гребне горы и глубокое ущелье, в котором буйствует неугомонная Агатка. Это любимое место Прохора. Кедры высокие, размашистые. Не каждый шишкарь рискнёт забраться на такую высоту... Прохор

забирался на эти чудо- вершины, и не раз. После, сидя у ночного костра, он всё бормотал, как завороженный:

- Какая красота! Не видавши - не поймёшь, что на вершине чудо-дерева хвойное море кедры. Как бронзовые подсвечники, качают на широких ладонях медные кувшинчики - их так много. И каждая шишка тянется вверх. А ветер качнёт - зазвенят колоколами. Глядишь и взгляд оторвать не в силах. Заберёпься до вершины богатыря. Обнимешь его медную грудь и чувствуешь, как в тебя вливается что-то тёплое, неожиданное.

А глаза ласкает панорама бесконечного хвойного моря, и на каждой ветке золотые кувшинки - шишки, поднятые к небу, одна другой чудесней. Хотя кажутся и одинаковыми. Чуть шевельнёт ветер - качнутся, перезваниваясь. И полнится тайга дремучим гимном. И всё твоё, все неповторимо.

Нет, не обогатиться еду я сюда. Мне хватит и двух ведер шишек. А побывав в тайге, я впитываю в себя её величие. И мне легче жить, встречать будни Так год от году я спешил в лесную благодать.

И на этот раз Прохор, взяв коготки и неразлучную трость, пошёл к заветному кедру. Мы с Николаем, отойдя метров двести от стоянки, начали шишковать.

Я забрался на молодой кедр. Люблю взять шишку покрупней, ядрёней. Недавно брызнувший дождь подмокрил деревья и требуется осторожность.

Шишка уже готова. Берётся легко. Можно хорошо поработать бойком. Но возиться с ним по лесу вдвоём трудно. Хватит и той, что доступна. Мы уже набрали больше мешка даров тайги. И вдруг... Тревожный треск ели и чей-то не то рёв, не то глухой тяжёлый стон.

Что-то случилось с Прохором. Когда мы прибежали к знакомому кедру, были потрясены необычным зрелищем.

Прохор, ничком уткнувшись в мох головой, лежал в двух четвертях над бездной. На одной ноге торчал коготь шишкаря, как зуб древнего динозавра. Другой куда-то улетел во время трагедии. Прохор, повёрнутый на спину, широко раскрыв глаза, что-то бормотал, хотел сказать и не мог. От кедра в бездну, почти рядом, широкая вмятина валежника и мха. Крупные сучья кедра краснели кругом.

Очутившись у машины, куда мы принесли пострадавшего на руках, перебивчиво, прикусывая слова, рассказал: «Поднялся я на вершину... Обхватил ствол... Поглазел, радуясь. Стал шишки шевелить. Слышу, кто-то за мной по кедру лезет. Повернулся... и руки вцепились в ветки. Захрустели. За мной в шаге ниже медведь. Полетел я вниз. Видно, крепко саданул хозяина тайги стальными когтями. Мы друг за другом полетели вниз».

А где же медведь? Куча наломанных веток и на кромке обрыва глубокий поток в бездну.

Надвигались сумерки. Оставаться было рискованно. Потревоженный, а может, и раненый зверь опасен. Мы стали собираться к отъезду, но Прохор, заметив нашу суету, успокоил: «Оставайтесь. Переночуем. Я отдышусь здесь быстрее, чем дома. Может, последнюю ночь у неё, кормилицы, проведу».

Мы не стали обижать влюблённого таёжника. Принесли валежину сухостоя и сготовили ужин. Прохор есть ничего не стал....

Распаренную в костре шишку бережно, чтобы не обжечься, перекидывал с ладони на ладонь и, чтобы мы не видели его слабости, целовал смоляную украдкой.

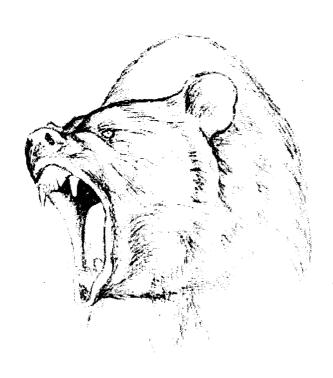
Опасения наши были напрасны. Ночь прошла без приключений. Девственная тайга, как мать, баюкала наши сны. А Прохор, наверно, не сомкнул ресниц. В его глазах светились все звёзды сентябрьского неба, и мохнатые

хвойные тени склонялись к изголовью.

Утром мы с Николаем обощли обрыв и против памятного кедра на откосе увидели две рядом торчащие, как бивни мамонта, скалы, бурые от крови.

Медведь, сшибленный Прохором, с ветками полетел с кедра в пропасть. И на половине спуска угодил между двух скал. Видно, крепко засел. Кругом чернели клочки шерсти и сгустки затвердевшей крови. Но всё же зверь вырвался из неё, дополз до речушки и, видно, долго лежал. Как он был рапси? Мы не узнаем. Ни против течения, ни по течению речушки мы его тело не нашли.

Возможно, отлежится или сгинет в родной тайге.

ЗЕМНАЯ СИНЕВА /КРОТ/

Лирический поэтический этюд в прозе

Много лет я заготовлял сено в одном небольшом ложке. Всегда видел там вздувшиеся бугорки земли.

- Это домик крота, - говорила мне мама. - Он живёт всё время в земле. Никого не трогает. Питается тем, что найдёт в земле: червячками, букашками. Хороший сосед. Мне самому хотелось увидеть этого мирного зверька.

Я приходил в овражек на рассвете. Усаживался в укромном месте, просматривал низ покоса, но ни разу не удалось застать крота на поверхности его ходов, ни в земле, ни когда он прорывает новые свои ходы.

Но мне всё же повезло. Однажды молодой тракторист, переезжая ложок, не поднял плуги, и вместе с пластами земли вывернул зверька.

- Крот! – закричал тракторист.

И, быстро выскочив из кабины, схватил скрытного зверька.

Зажатый в сильных ладонях, зверёк вёл себя мирно. Только короткие, но сильные лапы, ища опоры, как стрелки часов, мотались из стороны в сторону.

Зверёк был небольшой, 15-20 сантиметров. Чёрная с отблесками шкура украшала спинку. А увидев глаза крота, я был потрясён радостью. На меня смотрели две продолговатых синие-синие звёздочки. Нежные, чистые до хрустального блеска, они притягивали к себе...

Я глядел на чудо-звёздочки и не мог оторвать глаз. Как, находясь почти всю жизнь в земле, он сохраняет чистотусиневу земли? Земля щедро одарила его за его верность ей. Я всю жизнь находился рядом с озёрами, повидал и реки, тихие и бурные, любовался их красотами. Часами смотрел в голубизну и синеву небес. Но такой синевы, как глаза крота, не видел.

В ГОСТЯХ У МЕДВЕЖАТ

Быль, как сказка

Не так давно, в прошлом веке, и не в дремучих дебрях реки Амазонки, не в таинственных индийских джунглях, а у нас, на русской необъятной земле, в таежной деревне, жил мальчик Паша. Его папа пахал землю, косил травы, а в свободное время ходил на охоту. Часто брал с собой старшего сына Алешу. Паша больше был с матерью. Он, чем мог, помогал ей, а больше играл со щенятами. Их у охотника всегда было достаточно.

В тот тихий, теплый июльский вечер на улице было оживление. Сельчане собирались у общественной кладовой. Ожидали привоз с пасеки мед первой качки. Кто не пробовал его с первых таежных цветов, тот не знает, какой он пахучий и сладкий.

Всем хотелось разговеться ароматным даром природы. Кто держал зажатый в руке калач, кто ватрушку, а кто и корку хлеба.

Здесь же был и проворный, бойкий Паша. Его румяное, с золотыми веснушками, лицо вытянулось, как у пролетного гуся шея, когда у кладовой сгрузили две бочки искристого, пахнущего всеми запахами тайги нектара.

Несколько рук потянулись за угощеньем. Но строгий кладовщик так на всех крикнул, что у многих сразу исчез аппетит к сладкому. Только одна девочка успела пальцами коснуться чарующей бочки.

Пашиному терпенью пришел конец. Он, что было силенки у шестилетнего мальчика, схватил со своей рыжей головы серую, поношенную фуражку, напрягая гибкос детское тело, погрузил ее в янтарный настой бочки.

Раздался гул. Будто у всех разорвались легкие. Кто заахал, кто призывно засвистел, а кто от неожиданности присел на кукорки. А Паша, с трудом вытащив шматок меда вместе с фуражкой, бросился бежать в лес по едва заметной травянистой тропинке. Несколько мужиков и парней погнались вслед за озорником. Но парнишка был ловкий и шустрый. Молчаливый лес и сгущающиеся сумерки скрыли от погони несмышленыша.

В полночь с шумом распахнулась дверь в избу. Через порог ввалился Харитон /так звали Пашиного отца/. Из перекошенного рта с непонятными хлипами выплескивались и бурая слюна, и едва членораздельные звуки:

- У-убра-ал-л я у-уби-й-ицу! У-у-у...!

Вся куртка на нем была изодрана в клочья. Чуть свет деревня уже была на ногах. Уходили в тайгу группами, а отчаянные головы - в одиночку. Дома остались дети да старики.

Опустевшие улицы заполнились жужжаньем комаров, мошки и повизгиванием щенят.

К полудню из леса на дровнях привезли бурую зарезанную медведицу. Она лежала огромной горой, растянувшись на всю повозку. Взлохмаченная шерсть клочьями свешалась с перекладин. По оскаленным клыкам незастывшая еще кровь каплями падала на смятую траву. Развалив тушу убитого зверя, тут же распороли живот.

Перебрали все содержимое кишок и желудка, никаких мясных остатков не нашли. Буро - зеленая масса пахла перепревшими пучками и черемшой, кое-где краснели недоспелые ягодки кислицы.

Из набухших грудных сосков тонкими струйками сбегало молоко.

<u> Пворчество Причулымья</u>

- Зря загубил мать!- сказал седой медвежатник Копонек. - У нее детки где-то остались...Еще хуже может быть.

Понуря в землю взгляды, люди разбрелись кто домой, кто снова в тайгу. Даже закат, как будто в чем-то виновен, поспешил укатить солнце за молчаливые пики елок.

И вторые, и третьи, и ... пятые сутки поиска потерявшегося мальчонки оказывались пустыми. Были общарены глухие заросли, пади и овраги, русла многочисленных ключей и горных речушек. Подняли с надежных лежек зверей, из гнезд птиц, но ни следа Паши не нашли. Не нашли. А искали.

Тайга наполнялась криками, позывными выстрелами, разжигались на полянах костры и гасли с искрами надежды искателей.

Поджимала сенокосная страда. Был дорог каждый ясный день. В таежных местах дожди выпадают часто. И люди с опаской посматривали на хмурое небо. Отчаивались, но поиск не прекращали. Как земляка бросить в беде? Сегодня горе завалило к Харитону, а завтра к любому пожалует. Посмотрите, он чернее чугуна стал. Корки хлеба за день в рот не положил. Хотя и охотник, а душа у него жалостливая.

- А медведицу-то ...кокнул, - прогнусил кто-то. - Жалостливый... только на мушку попади...

Поиски исчезнувшего в тайге ребенка не прекращались.

А в это время в бреду кратко Паша рассказал плачущей матери о своих мытарствах.

Когда у кладовой стали собираться люди, я пошел тоже поглядеть, что там будет новое. Я и не думал пробовать меду. У нас он всегда есть. Отец нарезает в таежных дуплянках.

Возбужденные соседи о чем-то судачили. В руках у некоторых был хлеб. Бочки обступили, и я оказался недалеко от них. Помню взволнованные лица, вытянутые руки. И когда девчопка коспулась зеркального меда, меня как будто кто-то в спину толкнул.

- А ты что зеваешь!?

Я схватил с головы кургузую и в бочку. Руку едва выдернул. А потом все в голове перемешалось. Крики, шум, топот погони. Я по привычке нахлобучил фуражку на голову и ... ослеп. Медом сковало все тело, слиплись глаза и уши, мед обложил грудь и спину. А мысль "беги, беги, пока не растоптали!» свербила мозг. Бежал я, ослепленный в темноте, сам себя испугавшись, бежал, не зная куда.

Босые ноги резала трава, хрустел сухостой, впиваясь колючими иголками, лапник наотмашь бил в лицо, ронял на землю. Но я, как одержимый, вскакивал и бежал, бежал и, наверно, рычал от боли, как раненый зверь.

Споткнувшись о валежину, упал, уткнувшись во что-то мягкое и теплое. Сколько я пролежал в тяжелом сонном мраке, не знаю. Очнулся, когда солнце позолотило кедры. Мох был моей постелью.

Недалеко от меня, из-под камней, выбивался родничок. Он лопотал, как ребенок, высовывая синий язычок, будто дразнил меня. Я рад был ему. Жажда и жженье во рту крутили голову. Я на четвереньках дополз к нему и уткнулся головой в бившую из- под камня струю, стал жадно глотать язычок за язычком, выскакивающие из-под булыжника. Вода была теплая. Но я был рад и такой.

Подогретый дневным светом гнус облепил меня черным покрывалом. Пауты и слепни, мошка и муравьи ползли, налетали на меня со всех сторон, сверху и снизу. Я бил их

и себя прутьями, лапниками хвои, терся травой, мхом, все, что попадало под руки. Но их не убывало, а становилось все больше.

Обессиленный, я стал кататься, подминая под себя колючки сухостоя и постаревшие пучки, и провалился в скрытую подо мхом яму. На счастье, она оказалась неглубокой, наполненной водой, такой же теплой, как в родничке.

Травянистый покров надо мной захлопнулся. Я оказался в земляном капкане. Такие ловушки охотники-хапути вырывают на звериных тропах. Яма была старая. Ее кромки обвалились и она стала неглубокой. Я страшно испугался. Мог напороться на металлические штыри. Испугался и ... облегченно вздохнул. Кровопийцы насекомые не проникали сюда. Зуд уменьшился, но тело разрывало, как буровыми. Нашупал несколько клещей, они напились моей крови, стали как крупные горошины, другие впивались под кожу, почти исчезали в теле.

Сквозь старое покрытие ямы скупо проникали лучи солнца. Как я жадно глядел на них! Вспомнился родной дом, мама, мурлатые щенята. Как бы я их сейчас обнял! Попытался встать и бежать, искать самого себя и тропинку к спрятанной в тайге деревушке. Кое-как держась за мокрую стенку, чуть приподнялся и обессиленный упал. В воде кто-то плескался, хлюпал. Брызги долетали до меня. Жутко было оставаться еще на ночь в этом таинственном мире. Я стал присматриваться. Увидел две крысы. Амбарные хозяйки добрались и до тайги. А может, еще есть какие твари. Жуть охватила... дрожь... А впереди ночь...

Я высунулся из укрытия. Сильный ветер бушевал над тайгой. Стволы деревьев, как разъяренные сохатые,

метались и ревели, бросая на землю ветки - обломанные рога. Шел редкий, но крупный дождь, несколько градин хлестнули меня по лицу. Я нырнул в яму. Так было всю ночь. Все кругом шумело и бурлило. Я слушал, как камни бились друг с другом лбами. Корни деревьев шевелились и звенели, как бубны таежных шаманов. Я уже ни о чем думать не мог. Закрыв глаза, подтянув ноги к подбородку, бесчувственно повалился на мокрую землю.

Мне снился кусочек черного хлеба, посыпанный солью. Жадно кусал сухую горбушку, глотал слюнки, но голод не проходил. Кошмары черными виденьями крутились надо мною, ознобом страха охватывая тело. Я уже плохо понимал, что слышу, и что еще мог озирать во мраке яму. Если бы мне сейчас стал кто-то рассказывать такое, я бы никогда не поверил. Это только надо пережить самому.

Яма-склеп, в которую я попал, как горный козленок, хотя была старая, но выбраться из нее у меня уже не было сил. Стены были скользкие, глинистые, переплетенные узлами корней, местами нависали грибками над головой... А в воде, кроме крыс, уже булькались лягушки, а может, и змеи. Что-то мокрое, скользкое забралось мне на ногу...

Я стал обшаривать стены, но ничего кроме мелких камней не нашел. Когда моя рука последний раз скользнула у воды, я пальцами нашупал что-то твердое. Это был кусочек ребра, попавшего в эту ловушку животного. Наверное, козла, от которого время оставило скелет. В моем воображении рисовались разные картины прошлого. Жуть сковывала тело. Но выбора не было. Я, зажав кость в ослабленных руках, долбил и долбил стену. Делал зарубки, как лестницу, и выбрался к свету.

Утро нового дня было тихое и теплое. Тайга отдыхала

<u> Пворчество Причулымья</u>

после бурной ночи. Но росы не было. И гнус, проклятый гнус, страшный бич природы, от укусов которого гибнут даже крупные животные, тучами вился и спереди, и сзади меня. Я не знал, куда мне идти. Молчаливый лес кольцом стоял глух и нем. Решил идти на солнце. Опытные таежники говорят: «Если запутался в лесу, иди в одну сторону, долго пройдешь, но выйдешь. Если закружишься заведет леший в глухомань, и конец...»

Шел, едва-едва таща ноги. Рвал головки старых пучек и жевал еще не засохшую кашку. Тошнило от зелени. На одном бугорке попалась уже почти поспевшая кислица. Набрал одну горсть, вторую. Оскомина во рту и тошнота потянули к воде. Недалеко бурлил ключ. У огромной, давно сваленной ели, под сводом корней споткнулся под выворотень. Дальше двигаться не мог.

Меня силой поднимали и трясли, кто-то больно царапнул по лицу, лизнул мокрым, шершавым языком, обдав горячим дыханьем. Пробуждение походило на страшный сон.

Возле меня сопели медвежата. Они прижимали ко мне оскаленные рты, отдирали прилипшую к телу заскорузлую от грязи и меда холщевину и жадно глотали, глотали. Меня переворачивали то на живот, то на спину, поднимали от земли и снова бросали. Их круглые уши дергались, как пружины, небольшие, но жгучие черные глаза сверкали шалым огнем.

Пообедав одежкой, вцепились мне в голову. Я не мог ни кричать, ни сопротивляться. Медвежата были уже крепкие и верткие. Они, наверно, как и я, давно не ели. Моя одежка не насытила их. Сопение смешалось с рычаньем.

<u> Пворчество Причулымья</u>

Я окаменел. Могла появиться медведица. В глазах поплыли черные круги. Грезилось: я, как рыбина на сковородке, трепетал на кровавых клыках... Обшорканная лесными "друзьями", кожа горела огнем.

Как только я пошевелился, медвежата всполошились, зажали меня между торчащими корнями выворотня и опять стали лизать. Запах меда и крови бодрил их. А я туманно смотрел между ними в зеленую таежную мглу, тупо думал, как убежать, скрыться от неожиданных хозяев.

Тайга жила своей потайной жизнью. Рядом свистели бурундуки. Свистели по-разному. Прыгая с ветки на ветку, усаживались напротив, на сук поваленной ели и с любопытством смотрели вниз на наше логово. Медвежата катались по мху, как дети, боролись, скулили, сидя на мягких задах, взбирались на деревья и падали. Они искали потерявшуюся где-то мать. Их рычанье больше походило на плач. Дети, они и у зверей дети. Один был крупней и сердитей (мальчик), другой меньше рычал и больше жался ко мне, не царапался, как иголками, острыми когтями и не кусался (девочка). Но от зоркости их глаз мне не удавалось скрыться. Зажатый между колючими корнями, я вновь и вновь оказывался на земле.

Вечером Маша - так я назвал маленькую хозяйку - стащила рыбину. Сколько было у них радости! С добычей они покончили быстро. В сумерках по тайге прокатились два раската. «Опять будет дождь, - подумал я. - Под выворотнем от потоков воды не укроешься». Но ночью тучи над тайгой не сгустились.

Поздней я узнал, это были не грозовые раскаты. Стреляли мои земляки. Искали меня. Да, в тайге пути неведомы.

Ночь я пролежал в меховом склепе. С одной стороны - Маша, с другой Миша, ее неразлучный браток. Медвежата спали беспокойно. Гнус и сквозь шерсть добирался до кожи и у зверей, допекал их до зуда.

Под утро, когда мои сторожа заснули, я приподнялся на локтях. Думал немного оглядеться и как убежать. Но сразу две лапки, хотя небольшие, но сильные прижали меня к земле. Это был строгий приказ: "Лежи!" Признаться, среди зверей мне было теплее и мягче.

Чуть свет медвежата уже копались под корнями деревьев, шарились в черемошнике, искали хоть что-нибудь проглотить, утолить бешеный голод. Даже мышь была для них большой находкой. Ловили в падинах лягушек, подбирали дождевых червей. У меня же не было ничего.

Когда Миша залез на лиственницу, начал скулить, звать мать, я на четвереньках пробрался за выворотень, хотел оттуда проскользнуть к ключу. И по воде, теряя след, уйти куда угодно, но только подальше от медвежьих пастей.

Но косолапые не спускали с меня глаз. Недовольные, фыркая и рыча, затолкали меня опять под елку. Медвежата далеко друг от друга не отходили. Все, что попало, жевали, выплевывали. Я же горстями сгребал гнус, давил паутов и тер ослепленные глаза.

Таежный мир огромный, богатый, но понять его трудно — он скрытый, спрятанный, в море хвои и в сплетениях кустов. Недалеко, на песке у ключа, заквохтала глухарка, призывая к себе разбежавшихся цыплят, в кронах кедр цокали белки, отбивая вечерние зори.

И в дудочки свистели рябчики, передразнивая бурундуков. Но все это было не для меня. Я бессилием был обречен на

печальный конец.

Сколько дней я был в тайге - не знаю. Все смешалось в сплошной туманный круг. Кажется, еще два раза всходило и закатывалось солнце. Я дремал с медвежатами, даже обнимал их. Маша была спокойней. Я царапал ей белый шарфик груди и она, прижимая уши, слушала. Ни рычала, ни скулила. А по ночам в меховом склепе я слышал, как в такт с моим билось ее сердце, слышал ее стоны и плач.

Однажды, поздно вечером, медвежата приволокли старую, уже облезшую шкуру козы. Добыча была прелая и «охотники» только радовались, легко отрывая кусок за куском, меня тоже мутил голод до безумия. Я уже ел то, что они добывали, пил из одной лужи, где пили они, и отогревался их телами.

Насытившись добычей, мои сторожа заснули. Я на четвереньках добрался до ключа и ... доверился волнам. На берегу очнулся от помрачения только к обеду. И, как червь, полез, полез... ища последнее пристанище. Как я очутился на дороге? Сколько пролежал на ней? Остальное вы знаете...

Вздох облегчения охватил всех, когда на седьмые сутки, в полдень, крестьянин соседнего села привез лежащего на телеге голого, испачканного грязью и кровью, черного, как головешка, ребенка. Найденыш ничего не говорил, не плакал, только кособоко крутил засусоленной, почти лысой головенкой, пряча глаза в землю и вздрагивал всем тельцем.

Ребра - изогнутые шпильки выпирали из-под бурых рубцов кожи. Он весь трясся. Видимо, боялся, что его будут бить, пытался прятаться за извозчика.

- Паша! кричали обрадованные ребятишки.
- Сы-н-н-ок! сквозь слезы шептала, плача в фартук, мать.
- Уцелел, орленок! скупо говорили мужики. Будет настоящий охотник.
- Еду я по нашей горбатой дороге, рассказывает мужик.
- Только сойка долдонит у ключа. Умная птичка, зря голоса не подаст. А перед дождем обязательно покричит. Подхлестнул я буренку, думаю, как бы не намокнуть, а она как фыркнет и в сторону. Чуть под откос не полетел. Вижу в ухабине что-то шевелится. Подбежал и, поверьте, даже дрожь по коже пошла. Испугался. Уж не оборотень ли какой из тайги вышел. Все же нагнулся ниже, чтоб точнее рассмотреть, и хотя давно не крестился, рука к груди потянулась. Вижу четко: ребенок же энто! Дитё, изглоданное гнусом. Вспомнил, что в вашей деревне малец потерялся. Вот и привез...
- Наш он! Наш! Мы его, родного, всю неделю ищем.
- Спасибо вам, до земли таежной поклон! Прижав к груди, как икону, Харитон молча занес в избу исхудавшего, измученного сына. Молча положил на кровать, накрыл дохой. Повернувшись к переднему углу, долго смотрел на пустую божницу, где недавно еще стояли святые.

Паша долго болел. Его терзали черные призраки; медленно

<u> Пворчество Причулымья</u>

заживали многочисленные раны, гноились.

В сентябре шишкари привезли из тайги двух уже крупных медвежат. Узнав об этом от матери, Паша попросил отца свозить его к складу, где на конопляных веревках к столбу были привязаны пленники из тайги.

Харитон не мог отказать больному ребенку. Мать укутала Пашу в мягкую заячью шубку, усадила в коробок и перекрестила. Медвежата, привязанные наглухо, злились, грызли узлы, царапали у столба землю, бросались на зевак, разинув красные, как печень, пасти, сверкая белыми и крепкими зубами.

Любопытство собравшихся раздирало глаза. Особо шалые дразнили медвежат палками, швыряли в них куски земли и камни.

Увидав подъезжающую повозку, от медвежат хлынули к харитоновому коробку - поглазеть на лесного беглеца Пашу. Но Харитон осадил любопытных: «Посмотрите за своими!»

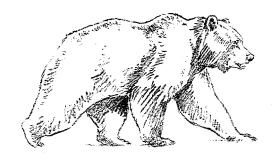
Встревоженные шумом людей, медвежата поднялись на задние лапы и косолапя, покачиваясь по-медвежьи развалисто, пошли к лошади. Но заметив на повозке мальчика, остановились. Белогрудая Маша, это была она, опустилась на землю, зажав лапами голову, стала тереть глаза. По ее телу пошла дрожь - она плакала по-звериному молча. Может, вспомнила свою мать, может, лесного ребенка, с которым было тепло спать. Плакал и Паша. Ему жаль было беззащитных таежных друзей, обиженных

неудачами жизни, как он.

Харитон, переживая за здоровье сына, крупной рысью погнал лошадь к дому. Он больше не ходил на охоту.

За четверть самогонки продал шишкарям ружье, купил обреченных на смерть медвежат, запер их в пустой амбар на ночь, кинув им для подкрепления две буханки ржаного хлеба.

А в полночь, когда растревоженные земляки уснули крепким крестьянским сном, выпустил медвежат в тайгу. От сильных потрясений Паша стал замкнутым, молчаливым. Он привязался к животным. Особенно к собакам. Часами на завалинке играл со щенятами. Задумчиво смотрел на тайгу.

НЕРАВНАЯ СХВАТКА

Я возвращался домой, пробираясь еле заметной тропинкой. Давно пожелтевшая осока путалась под ногами, корявые низкорослые деревья то и дело цеплялись своими переплетёнными ветвями за одежду, преграждая дорогу.

Грустно видеть опустевшее болото в ноябрьскую пору: у безмолвных озёр горбатятся заброшенные скрадки, то тут, то там вдоль берега чернеют сушила. Одинокий ветер днём и ночью свистит и стонет в зарослях камыша.

Невольно ускоряю шаги, раздвигаю руками колючие ветки кустарника. Вот уже вижу первые дома знакомой деревушки, слышу отдалённые крики беззаботной детворы. Скоро ночлег!

Но что это?

Передо мной, вытянув длинную шею и приподняв одно крыло, стоит лебедь. Другое крыло, заброшенное на спину, треплет налетающий ветер. Круглые глаза птицы, как две спелые клюквы, ало поблёскивая, устремлены на чёрную корягу.

Я гляжу в то же место, но ничего, кроме сваленной талины, не вижу.

Вдруг лебедь сердито защипел, взмахнул здоровым крылом, стремительно бросился вперёд. В этот момент я увидел лисицу. Щёлкнув оскаленными зубами, она прыгнула сбоку на лебедя, намереваясь схватить его за шею, но сильный удар клюва опередил её.

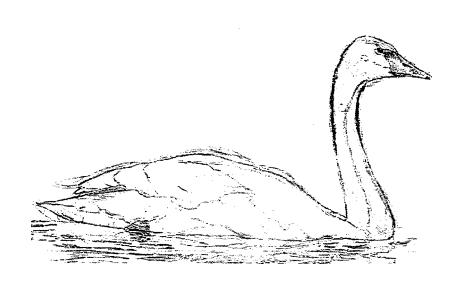
Мелькнув пущистым хвостом, лисица спряталась за корягу. Лебедь высоко поднял голову. Раздался трубный звук: лебединая песня покатилась над безмолвной ширью. Медленно и гордо взвиваясь в небо, она плавно плыла над заснеженными равнинами, грустно отдаваясь в моём сердце.

Всё ниже и ниже опускалась голова красивой птицы, а это ещё продолжало звенеть тысячами отголосков прощальной лебединой песни.

Из-за ближнего дерева показалась лисица, намереваясь полакомиться замученной жертвой. Но пущенная мною пуля была меткой.

Последние краски наступившего вечера, на мгновение вспыхнув в её алчных, стекленеющих глазах, медленно угасли.

С тяжёлой грустью о погибшей храброй птице я побрёл знакомой тропинкой.

СПАСЁННАЯ ПЕСНЯ

Если бы вы лет пятьдесят назад пристально посмотрели на моё лицо, заметили бы между бровей небольшой, с конопляное семя, шрамик. Годы морщинами затянули его. Но осталась трогательная память, незабываемое воспоминание.

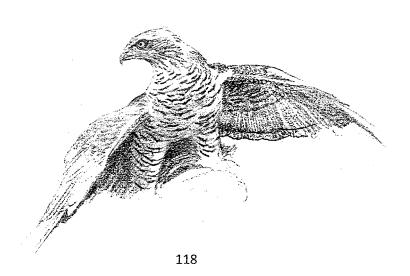
Был разгар весны — середина мая. Очнувшись от долгой зимней спячки, земля вздыхала полной грудью. Парила и нежилась, как сдобный хлеб из свежей муки.

В такую пору оживает вся природа. Весело журчат тёплые ручьи, выбегая из-под укрытого тенью снега. Ощетинились зеленью пригорки. Радостно перешёптываются между собой каждый кустик, каждая веточка. Ожил и насекомых рой. Поля и рощи до краёв наполнены трелями, жужжанием и пересвистом жучков. А пернатые, от радости хлопая крыльями, не находят себе места, поют от зари до зари, справляя свадьбы, устраивая новоселья. В такую пору вряд ли какой охотник усидит дома.

Я спешил на утренний перелёт гусей, бодро шагая по едва заметной в сумраке дороге. Ещё заря не показала из-за пригорка розовый гребень. Но тёплый волнистый туман, отрываясь от земли, всё больше пропускал блики дневного света. Майский рассвет вступал в свои права. И вдруг сотни колокольчиков зазвенели над степью и надо мной в синих просветах голубого неба. Я даже вздрогнул. Хотя знал: не надо глядеть на часы- без пяти минут четыре -Часами жаворонка. будещь слушать ласкающую мелодию, перезвон невидимых колокольчиков, пленивших неповторимыми звуками всё вокруг, и никогда не насытишься их прелестью и очарованием. А скоро и гуси загогочут, затрубят, как горнисты на древних нотах. Я ускорил шаг и едва удержался на ногах. Резкий ветер хлестнул меня, как бичом, будто кто-то окатил с ног до

головы. Острые колючки впились в щёки. Глаза затмила чёрная пелена. Между бровей сверкнуло долото. Что-то трепетное с силой прижималось к моему лицу и стучало, стучало... Так может стучать только сердце. Я сжал в пальцах трепещущий комочек и резко оторвал его от лица. Жаворонок!!! Весь окровавленный, как и я, он бился, пытался ещё царапать и рваться на волю. И снова резкий ветер вздыбил мои волосы. Ястреб не хотел упускать добычу, но и вторая попытка овладеть ею оказалась промахом.

Я ликовал. Крохотная птичка в беде доверилась человеку. Как колокол, большой колокол, билось её крохотное сердце, почувствовав спасение. Я разжал пальцы. Жаворонок стремительно взмыл в небо. Его радостная песня влилась в многоголосый хор таких, как он, собратьев. Я спас песни, без которых на свете нельзя ни птице, ни человеку.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Люблю сентябрьские зори проводить на отдалённых, затерянных в камышах озёрах. Любоваться сгущением красок, трепетным волнением природы, торжеством осени и щедростью уходящего лета. Природа в ожидании перемен.

Подходя к давно мною сделанной скрадке, я увидел на неньке высоко срубленной талины сапсана. Ловко прикрывшись веткой, он озирал плёс озера и тёмно-синий купол неба. Он меня не заметил.

Это был крупный, редкий на нашей болотной пойме, самец. Как выточенный из редкого камня, он был красив, собран, весь устремлённый вперёд, недвижим. Казалось, оцепеневшим. И только горящие глаза.

- Какой чудный был бы экземпляр чучела, - подумал я. Но к ружью не потянулся. Красоту надо беречь.

Солице уже было за степным косогором. Но лучи его ещё золотом плескались по воде, переливаясь радугами и мешаясь с тенями надвигающих сумерек, меняли оттенки... Резкий, пронзительный свист над головой встрепенул меня. И всплеск воды. Передо мной — крякаш. Весь вжимаясь в воду, прячет в набежавшую зыбь голову, поплыл к берегу. Но, увидев меня, замер. Недвижимо стоял и я. И убедившись, что я недвижим, заплыл в заросль камыша, в двадцати шагах от скрадки, затих, спасся от двух смертей. Надолго ли? Ещё сапсаны есть и охотники не перевелись.

Придя к этому озерку, в заветную скрадку, я на закате солнца услышал стремительный взлёт крякаша из рядом растущих камышей. Ещё больше был удивлён, когда в сгустившихся сумерках крякаш вернулся к месту своего спасения.

И мои выстрелы по пролётным птицам не вспугивали его. Так было до отлёта на юг. Доверилась птица человеку. Дорожите доверием.

КРОТ

Я родился в крестьянской семье. Восемьдесят пять лет прожил в сельской местности. До корней волос познал вкус и запах земли. Кратко расскажу два случая из детства.

Ещё мне не исполнилось одиннадцать лет. Мы с мамой копали лопатами вечную целину - огород, еле-еле держась на ногах – были истощены голодом.

Подняли 20 соток.

В это же время, когда отец был свободен от работы, мы всей семьёй делали дом, наливая саман в стены.

Сняв верхний чёрный слой земли с будущего подполья лопатами, разрывали с мамой глину, наливали холодной из водокачки воды, и я размешивал глину с водой босый.

Потом наливал эту смесь в десятилитровое ведро, подавал из ямы маме.

Мама — отцу. Папа утоптанную солому поливал этим раствором. Порожнее ведро возвращалось ко мне.

Однажды, налив полное ведро смеси и подняв его, непрочно поставил на кромку ямы. Мама не успела принять, и вся жидкая глина с головы до пяток окатила меня.

Взволнованный отец довёл меня до кадки, и они вместе с матерью стали отмывать меня холодной водой: тёрли травяными жгутами исхудавшее, дрожащее от холода тело.

Так земля с глиной впитывалась в мои поры, в мою кровь. Я уже не говорю о войне. Там было так: глубже зароешься в землю – больше шансов выжить.

Земля спасала, возвеличивала, утверждала в нас силу и веру в жизнь.

Да, у хлеборобов часто руки грубоватые, шершавые. Но надёжные и крепкие. А глаза чистые, тёплые, без ужимов, открытые, как их души. Они доверчивые, приветливые, гостеприимные.

И я не обижаюсь, когда мне говорят: «Копаешься, как крот в земле». Земля облагораживает человека. Делает настоящим творцом жизни.

ТАНЕЦ... СО СЛЕЗАМИ

Изба, в которой я родился и прожил почти десять лет, стояла на пригорке, открытом всем ветрам и солнцу, около тракта Ачинск — Минусинск, по которому из ссылки возвращался в Петроград В.И. Ленин. Тогда ещё не было дороги Ачинск — Абакан, тракт ремонтировали, а потом запустили.

Напротив нас, вниз по косогору, шириной не меньше тракта и длиной метров в семьдесят выступала гладкая каменная плита. На ней не задерживался снег, она быстро высыхала от дождевых вод. И первое яркое солнце весны играло на нём. Она была местом игры в городки, в бабки, во всё, кто во что мог. Наигравшись или озябнув, играющие заходили перекусить, согреться к сапожнику Павлу - моему отцу. Папа был немногословен, пошутить, отдохнуть от постоянного труда урывал время. В палисаднике возле избы росли две развесистые рябины. На них ежегодно было много ягод и стаи птиц - синицы, снегири, воробьи - осаждали их с утра до вечера. Отец ловил их петельками. И у нас в избе с детскими голосами сливались свисты, пересвисты пернатых. Одни бились в стекло окошек, а другие, уже освоившись, залетали даже на русскую печь клевать клопов.

Отец задумал своих клиентов развеселить особым представленьем. Он сшил две маленьких пары сапожек для кота. И когда однажды посетители собрались передохнуть от игр, обул кота Ваську в новенькие начищенные сапожки. Взял из садка приготовленную синицу и, завязав её под крылышки дратвой длиной метра три, пустил птицу на пол.

Васька, увидев близко добычу, бросился к ней, готовый схватить, и заскользил по гладкому полу. Пленницу

подвели ближе к ухажёру. Он напрягся. В глазах засверкали искры. Кот подпрыгнул и чуть не достал синицу. Её вновь оттянули в сторону. Но кот уже не унимался, вошёл в азарт. Побежал ловить жертву и снова, снова... Пляска продолжалась.

Изба содрогалась от хохота, свиста и бодрящих криков. Казалось, вот-вот взорвётся потолок. Все веселились. А я затыкал рот рукавом шабура, чтобы не выдать плач.

Когда едва живую синичку отец положил в садок, я попросил его отпустить синичку на рябину. Он так глянул на меня, что по коже побежали мурашки.

Такие веселья и представления почти каждый вечер длились до сильных морозов. Синички менялись, кот Васька в сапогах оставался.

Уже в ноябре вечером измученная подёргиванием синичка упала, распахнув крылышки по полу. Хохоча и куря, весёлые зрители разошлись. Отец, поужинав, лёг спать. Я, подождав, когда все уснули, тихонько слез с печки, достал из садка синичку, тихо, чтоб никого не разбудить, вынес на крыльцо. Птичка, почувствовав волю, встрепенулась и спрыгнула на нижнюю ступеньку крыльца. Я вернулся на печь.

Меня разбудила мама ещё затемно. Зажимая мне рот, чтобы я не кричал, она протянула мне мёртвую артистку.

- Это ты её выпустил? – спросила мама. – A если бы отец вперёд встал и увидел это, он на тебе бы весь потяг схлестал.

Мама положила мёртвую синицу в садок и растопила русскую печь. Отец, проснувшись, вскорости заглянул в садок.

Взяв в руки мёртвую птичку, подёргал крылышки и бросил её в огонь.

Гробовое молчание наступило в избе. Кончились необычные представления.

ДОВЕРИЕ

Жаркий июльский день клонился к закату. Яркие лучи солнца уже не искрились, как бенгальские огни, а, сгущаясь с зеленью травы, синью ложились на гребни рядов. Прокосы, как дороги, ведут вдоль оврага. Радостно на душе. Не зря прошло время.

Я заканчивал косовицу разнотравия между лесопосадкой и железной дорогой. На этом участке коса часто ударялась то о камень, то о кирпичи, оброненные проходящими эшелонами.

И снова косевище дрогнуло. Коса, смахнув пучок костра, вильнула вбок. Что-то желтоватое с чёрными пятнами мелькнуло у пятки. Я по инерции подался вперёд и увидел два сверкающих огонька, как две утренних росинки и как острое шильце, клювик, окаймлённый желтизной.

- Перепёлка! испут холодом окатил меня. Подрезал беднягу! А может, и намертво? Нет, не шевелится. Только ещё ярче разгорелись глазёнки, ещё плотнее прижималась она к земле, хотела укрыться от всего мира в нехитром гнезде. Будто просила:
- Не тронь меня! Уйди!
- Живая! радостно забилось моё сердце. Я, бесшумно пригнувшись, попятился назад, с удивлением думая, какая сила держала её в гнезде? Помогла ей осилить страх, вечный испуг птиц и зверей перед человеком?

Дома я рассказал жене о пережитом. Мой рассказ сильно взволновал двухгодовалого внука:

- Дай, деда, живую птичку! Поедем! Поедем!

Рано утром мы были уже на покосе. Я взял внука на руки и попросил сидеть спокойно и не шуметь, иначе птичка испугается и улетит. Тихо подошёл к гнезду. Осторожно приподнял пучок чуть повянутой травы и едва удержал

ребёнка на руках. С радостным возгласом он рванулся вперёд и буквально повис над перепёлкой.

- Дай мне! Дай!

К моему удивлению. Перепёлка «слилась» с землёй. Ни пискнула, ни шевельнулась. Домой мы возвращались под непрерывный плач внука.

Через три дня, придя на греблю сена, я поспешил к последнему ряду. Под пучком костра в опустевшем гнезде и вокруг него лежала крапчатая скорлупа. В овраге радостно, как курочка, квохтала перепёлка, созывая детей. На следующий год я снова пошёл на покос. Конечно же, меня интересовало, прилетела ли перепёлка к родному гнезду? Не доходя метров сорок до бывшего гнезда, заметил, как перепёлка, а это была она, вспорхнула и както боком, будто подстреленная, упала в траву. И снова взлёт, и растопыренные крылышки наклонили птичку в щётки ковыля, и опять перепорхнув, кувыркнулась в зелень посадки.

- Что с ней? Неужели подбил кто?

Пригляделся: почти у гнезда золотится стрела, напоминая оброненную осенней порой встку клёна, а в редком ковыле – сверкающие мелкой чешуёй кольца.

- Змея! Гадюка охотится за добычей, не зная, что рядом в крохотных яйцах птенцы, а мама-перепёлка, рискуя жизнью, пытается отвести от малюток неминуемую смерть. Вот стрела вздрогнула и... бросок! Длинное тело гадюки задвигалось, готовясь к новому прыжку, и снова хлёсткий бич чуть-чуть не накрыл малютку-птичку.
- резким ударом плоской щипящей ПО предотвратил неминуемую трагедию. Змея была на красивая, будто выточенная редкость ИЗ меди. вся расписана чёрными кольцами, а на узкой голове красовался красный гребешок. Вот бы выставить в музее. Но я не

жалел её, не восхищался её красотой. Я радовался, как ребёнок. Перепёлка. Моя соседка по покосу — живая! Вечером она порадовала меня древней песней. Вскоре вывела птенцов. Как дружно они бодрили меня в нелёгком крестьянском труде.

Я возвращался домой, полный радости за прожитый день. На следующий год перепёлка к родному гнезду не вернулась. Может, сбилась с дороги во время перелёта, может, погибла. Стала жертвой ненасытности.

И в старости я вспоминаю этот случай, радуясь. Не напрасно прожил жизнь!

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Октябрь с самого начала не баловал погодой. Холодные, хлёсткие ветра пригибали до кочек тучные камыши, трепали космы осок. Днём и ночью слышались прощальные крики улетающих на юг птиц.

Пора подаваться на заветные озёра. Наскоро собравшись, я вечером уже был на перелёте.

Раскинув на озерке несколько чучел для приманки, уселся в шалаш. Но охотиться не пришлось.

Налетел шквальный ветер. По бортам лодки застучали крупные градины вперемешку с дождём. Небо почернело от туч. Пока я собирал чучела в бушующих волнах, струи дождевой воды прошили до пояса.

Выбравшись на рёлку, поспешно, спотыкаясь, бежал к шалашу. На мне не было сухой нитки. Вода хлюпала даже в сапогах.

Местный охотник каждый год на этом островке косит траву и, когда-то сделав из тальника немудрящий шалаш, обмётывает его сухим сеном. Издали он и похож на стожок. Я несколько раз ночевал в нём. Плотно обложен, он и зимой согреет.

Дождь перешёл в сплошной ливень. Я разгрёб вход и нырнул в темноту. Темно, но вода не льёт.

Чтобы оглядеться, достал завёрнутые в целлофан спички. Взял в щепоть несколько штук, услышал за собой тяжёлые вдохи и, чиркнув спички, поворачивая, высоковато приподнялся. Высохшая осока, как порох, вспыхнула надо мной, и весь шалаш запылал.

<u> Лворчество Причулымья</u>

У лаза, озарённого огнём, передо мной у выхода чернела огромная голова с округлёнными ушами, разинутая красная пасть и огненные узкие глаза.

- Медведь!

Испуганный огнём, медведь круто развернулся, разворотив пылающий стожок Рявкнул, унося на спине горящие клочки пожарища.

Вслед за медведем из огненного шалаша горящей пробкой вылетел я, кувыркнувшись носом в грязную землю. Правда, ливень быстро погасил на мне клочки искрящей травки. И пронзил холодом до костей.

- Что делать?

Ночлежка, как быстро вспыхнула, так же быстро угасла. Жгла меня горькая мысль.

- Долго не продержусь. Или сгорю, или замёрзну. А лодка! Она спасёт от лихой погоды.

Шёл в темноте, спотыкаясь и падая... Вставал и снова шёл. Пока притаскивал долблёнку, костёр почти угас. Наскрёб кое-какой ветоши и, застелив пышащую паром землю, перевернув над ней лодку, нырнул под неё и облегчённо вздохнул.

Но радость моя была ранняя. Земля была сильно горяча, с боков прошивали холодные сквозняки. Я ворочался с боку на бок, со спины на живот и опять на бок... Сколько ещё надо терпенья? Усну и ... А ливень всё хлестал, буйствовал ветер. Какая длинная ночь!

С первыми проблесками утра выбрался из-под укрытия. Дождь перестал. Стихал и буран, но потянуло изморозью. Скоро стану ледяшкой.

Надо больше двигаться, быстрее, резче.

- Двигайся! — приказывал я сам себе. Хотя сам едва-едва волочил ноги...

К причалу доплыл, уже не чувствуя пальцев.

Поднял кое-как велосипед и, опираясь на руки, сделал первые шаги. Но сдержался на ногах и потянулся по грязной дороге, длиной восемь километров.

Отсчитывая двадцать шагов, стоя передыхал, и дальше так. Как дошёл до дому — сам ещё не верю. И никому бы не поверил, если бы не пережил сам.

Увидев меня в таком состоянии на пороге, жена в испуге выронила чайник из рук.

- Где ты так вляпался? Горел, что ли? Волос-то на голове почти нет, и шея обожжена. На пожаре был?
- Потом расскажу... забормотал я и, упав на пол, уснул или погрузился в обморок.

Проснулся ночью, укутанный в тёплое одеяло. Чем-то резко пахло. Шея была перевязана полотенцем, пропитанным каким-то лекарством.

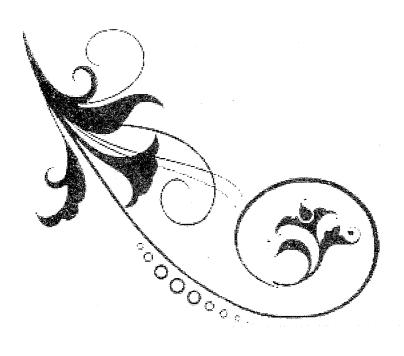
Подпаленного медведя дня через три застрелили на заброшенной шахте за ближней деревней от памятной ночёвки.

Памятная была ночь.

А всегда, как наступает октябрьский перелёт, меня тянет к заветному озерку.

CHUKU

В ЗИМНЕМ ПОЛЕ

В зимнем поле
Тихо, тихо.
Даже мыши не шуршат.
Русаки луну футболят,
Их лисицы сторожат.
А с полночи до рассвета
Бродят тени-привиденья.
Кто без вести сник в сраженье,
Тем нигде покоя нету.
Я спешу на зорьке в поле,
Хоть один найти бы след.
Память сердце ранит больно.
- Кто бродил? - Ответа нет.

НИКТО НЕ ЗНАЕТ

В продрогшем сквере городском Собралась детвора, хохочет.
- Смотрите, белочка на прутике сухом Грызёт сучок...
А может, зубки точит?
В тайге нет ни гайна, ни шишек, Пожаром всё смело дотла.
Пристанище беглянка ищет.
Поесть что есть...
И чуточку тепла.
Смеются дети...

Ведь они не знают, Кого судьба какая ожидает. Насыпьте белке горсточку орех, Ведь вы их у неё в тайге забрали.

дитя природы

Его из леса принесли, Он был не больше деловской лохмашки. В веснушках – липких капельках смолы, И носик, как у замарашки. В снегу его нашёл лесник. Мать застрелили браконьеры. Есть в облике людей и звери, Как мелвежонок не погиб? Дитя природы. Суть вся в том, Какой судьба удел наметит. Поучат - станет циркачом, Вернут в тайгу – встречай медведя. И нас венчает так судьба: Рождён певцом – берут в солдаты, А пока... Сосёт мизинец медвежонок, И стонет, опустев, тайга. Как раненая медведица, стонет.

<u> Пворчество Причулымья</u>

ЗИМА СПРАВЛЯЕТ НОВОСЕЛЬЕ

Зима – полярная царица, В карету заложив метели, Летит на юг волшебной птицей, Не замечая параллелей. Махнёт крылами, и кругом Засыплет всё лебяжьим пухом. А кашлянёт – застеклит льдом, Сугробы вздыбит и заструги. А крестьянин в дублёной шубке За сухостоем едет в лес. Сосёт, причмокивая, трубку, Морозом разукрашен весь. И пёс хозяину под стать, В кольце хвоста зажав позёмку, Готов весь снег расцеловать, Блином снежинки ловит ловко. А среди школьного двора, Сердца и куртки нараспашку, В снежки схлестнулась детвора: Вот-вот сойдутся в рукопашном. Слепили бабушку Ягу, Морковным разукрасив носом, От пяток до бровей в снегу, Всем на Снегурочек похожи. Звенят лопаты и скребки, Растёт каток, большой, красивый. Вот это хватка, мужики! Краса и силушка России.

И допоздна кипит веселье, Не молкнет смех и разговоры. Зима справляет новоселье, Морозу начищает шпоры.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Эх, Агатка-азиатка! Брови – спинки соболей. Не играй со мною в прятки, Я пока не твой, ничей. Я – испытанный охотник, И стрелок, и следопыт. Запою в рожок – и в сотни Лес дремучий загудит. Затрубят чуть свет олени, К облакам взметнув рога, Приходи смотреть сраженье, От любви кипит тайга. - Я, Агатка-азиатка, Битвы видела не раз. С шатуном сходилась в схватке, С хитрой рысью глаз на глаз. Эх, Агатка-азиатка! Брови - спинки соболей. Нечего играть нам в прятки. Ты мне пара, всех милей.

Обойду все горы, пади, Все потаинки в лесу, А Агатке-азиатке Чернобурку принесу. Обвенчаемся под кедром, Под Полярною звездой. Буду я супругом верным, Ты мне - любящей женой. Затрубят взахлёб олени, К облакам взметнув рога. За любовь кипит сраженье, О любви поёт тайга. (Агатка – горная речка, протекающая по Ужурскому и Назаровскому районам, бурная, шириною метров 5-6. Потому, что бежит она с южной стороны Саян, её называют азиаткой).

ЛЕГЕНДА

На Косоголе ветер, ветер, ветер, На дыбы в небо поднята вода, На берега выбрасывает сети, Закручивает в плети невода. Можар украл у Косоголя дочку, Всех на дыбы поднял владыка ночью:

- Найду, сотру в песок, рассею в дым!

А зять Можар был хан не из трусливых, В усах угрозы спрятав, как улыбки, Укрыл в объятьях краденое диво, Качается в долблёнке, словно в зыбке. Он с неба достаёт горстями звёзды И складывает в золотой колчан -Отдаст их за красавицу невесту. Как только встретит их могучий хан? И через год, Когда осенней ночью Усталый Косоголь в забоках спал, Можар принёс наследника от дочери, Какого хан вовеки на видал. Рассынал рядом звёзды, словно соль, И расплескался Малый Косоголь. Но гнев, как чёрный ворон, Выпорхнув с гнезда, В него не возвратится никогда. Бушует хан... Кипит, кипит вода. Шумит, не утихает и сейчас. На Косоголе ветер, ветер, ветер На берега выбрасывает сети, Верёвками сплетает невода.

(Забоки – заросли камышей)

ЖИЗНЬ ПРОВЕРЯЕТ ВЕРНОСТЬЮ ЛЮБОВЬ

Меня пленили мальчуганом книжки, За томом том ночами штурмовал. И в маршевой ушёл на фронт мальчишкой, Ни разу не испив любви бокал. В накуренных землянках, на привалах, Когда солдат задумался, устал, Я наизусть, как мальчуган, бывало, И перед боем Пушкина читал. И в первый раз поцеловал сестрёнку, Когда она давала мне наркоз. Красивая! Всем удалась девчонка, Такой мне после встретить не пришлось. Принёс домой трофеи я с войны: Бинты и раны, костыли под мышками. Кому такие были мы нужны? И на пиру, и на свиданьях лишние. Зашёл к вдове потешить разговоры, Не выбирал богатую тропу, Да и остался с нею мыкать горе – Солдатскую нелёгкую судьбу. Было всё... и радости, и споры, Но нерушимым был семейный кров. Жизнь - как Байкал, бушующее море, Она проверит верностью любовь.

СИБИРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Помню тропку у залива, Плёс небесной синевы. И шатёр зелёный ивы -Терем-теремок любви. Рядом иволга на ветке, Наш сибирский соловей, День деньской она в разведке, Каждый листик ей родной. Ты мои целуешь руки, Я к твоим припал губам. Нас в одном уносит струге По серебряным волнам. Нет ни паруса, ни вёсел, И зачем они нужны? Нас несёт в объятья вёсен, Нам и зимы не страшны. Ты мои целуешь кудри, Я – красавицу косу. На волшебном нашем струге Вся планета на весу... Я тебя навстречу утру На ладонях унесу. Были нежности и страсти, Голы смыли все мечты. Но приходит кто-то счастлив, Тешит пылкие мечты. И, целуя каждый листик, Встрече радуясь друзей, Напевает им о счастье Наш сибирский соловей.

РОДИМАЯ СТОРОНКА

Эх, родимая сторонка! До чего же ты мила! Как капризная девчонка, Душу мне насквозь прожгла. Крутояры, крутояры! Речка — саблей синий плёс. Я привёз вам всем подарки -Горсть солёных, сладких слёз. Правда, есть чем погордиться: Если поле – то до гор, В поле – золото-пшеница, Не заморыш – высший сорт. Если луг – костёр по плечи, А валки – невпроворот. Стогомёты скирды мечут, В прошлое ущёл зарод. А на взгорках в повелике, Как цыганские платки, Охмелевшая клубника Распоясала круги. Чудо-ягода – страда, Запашиста и сочна. И послаще винограда, Что привозит нам Чечня. А смородина на речке Кисти на воду кладёт, Сумраки сгущает вечер. Путь до завтра подождёт.

МОГУ ЛИ Я НАЗВАТЬ ТЕБЯ ИНАЧЕ?

Сибирский край – родимая земля, Как я могу назвать тебя иначе? Во мне частица каждая твоя Со мной, вспорхнув, поёт и плачет. И каждая тропинка – поводырь Влечёт меня к распахнутым просторам, И предо мною нараспашку мир, Твои глаза – мои моря, озёра. Меня твои возносят кедрачи, Где звёзды чистят золотые кроны, И с песнями любви спешат в бой рогачи, Сомкнув замком волшебные короны. И не твоя ли песня журавлей Зовёт меня весной к верховьям древним? А осенью по пажитям полей Бегу, как мальчик, плача, за деревню. И даже зимний опустевший сад Скребёт мне сердце голыми ветвями, И рад, когда пушистый снегопад Его украсит лёгкими крылами. И всё, что есть на свете, всё твоё Живёт во мне, бушует и играет. Оно неразделимо и моё, И мне милей, родней не надо рая.

НОВОСЕЛЬЕ НА КАЧЕ

Вот так встреча! Вот удача! Как на Белом в сентябре, В центре города, на Каче, Стаи уток в январе. Ни пролетом, а оседло Стали горожанами. Грудь – вперед, навстречу ветру, И в обхват буранами. По привычке, по-сибирски Натираются снежком. В небо брызги, словно искры, Ходит речка ходуном. И доверившись, с ладоней И зерно, и хлеб берут, И прощаются с поклоном, Завтра снова подплывут. А охотники лихие Улыбаются в усы. -Времена пошли какие! Потеплело на Руси! Завтра фламинги к нам с юга В новоселы прилетят. Зря, зима, гоняешь вьюги, И мороз, и снегопад. Будут встречи и удачи, Как на Белом в сентябре. В шумном городе, на Каче, Стаи уток в январе.

СТРОКУ КРЕПИТ СТРОКА

Ключами пополняется река, Шлифует дно, шлифует берега. И лебедей шлифуют облака, В поэзии строку крепит строка.

РЯБИНКА

(Рябинка – деревня)

В нашей солнечной Рябинке Все девчонки, как картинки, Хоть на конкурс красоты Парни не дают везти. Зарастут травой трошинки И состарится Рябинка. И в саду до поздней ночи Кто-то шелестит травой, Кто-то шепчется, хохочет И целуется с луной. Укрывают их деревья, Щедрый наш тенистый сад. Утром знает вся деревня... Совы никогда не спят. И у ЗАГСа в понедельник Парочки в обним стоят. Быть на свадьбах мне в сочельник, Если только пригласят.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

У тихони-речки, Где косой пески, День-деньской и вечером Спорят кулики. Чье болото лучше, Гуще камыши? Выпь рыбешку глушит, Берегись, ерши. Трубочку – чалдонку Чмокает рыбак. На его ладони Звездочка – червяк. Клюнет на такого Рыбка золотая. Повела... готова! Шустрая какая. Потянул... о, Боже! Ерш! С вершок едва. Вся в колючках кожа, Хвост да голова. У тихони-речки, Где косой пески, День-деньской и вечером Удят рыбаки. У костра ушицу Из ершей хлебая, Хвалят: «Ерш – во! Икристый! Рыбка золотая!»

<u> Пворчество Причулымья</u>

ТАЛИСМАН РОССИИ

В стороне от дороги, На ковыльном пригорке, Как волшебный чертог, Стоит стройная елка. Ни бураны, ни грозы Не согнули в поклоне. И в крутые морозы Остается зеленой. Я мальцом прибегал к ней Рвать зеленые шишки. И в степной тишине Слушал, как она дышит. Что-то шепчет ветрам О судьбе, о покое... И друзьям-муравьям Сыплет с щедростью хвою. И во мне что-то зрело И плелось в голове, Как мальном в колыбели Засыпал я в траве. И когда уже росы Серебрили лужок, Я бежал по покосу На родной огонек. Под соломенной крышей Мастерил детворе Чудо-храмы из шишек, Как дворцы у царей.

Все прошло. На пригорке, Сняв потертый картуз, Я красавице-елке, Как иконе, молюсь. Устояла в беде, Не сломалася Русь!

КАК СНОП ПШЕНИЦЫ, СОЛНЦЕ ОБНИМУ

Я ловлю руками солнца Золотистые лучи. Но никак не удается Их в ладони залучить. Но кто хочет, тот добьется, Поучусь и все пойму. И, как сноп пшеницы, солнце Я в охапку обниму.

НЕОЖИДАННАЯ РАДОСТЬ

Синью плещут небеса, Зелень тянется в окошко. Как на ветке, стрекоза Приютилась на ладошке. Неожиданная радость,

А какая красота!
Вот с такой всю жизнь бы рядом...
Да не та, не та судьба.
Чистит крылышки-иконки,
Спинку мост бирюза.
Я, как юноша влюбленный,
Стрекозе гляжу в глаза.

И ТЕПЛОМ СОГРЕЕТ ГУБ

Отрясая росы прутиком, Утром в поле я брожу. Окруженный хором лютиков, Свой возлюбленный ищу. А они все – загляденье, И красивы, и нежны. Брызжут свежестью весенней, Летней зрелостью полны. Весь пыльцою опыленный, От носков и до бровей, Я счастливей всех влюбленных И богаче всех князей. Расцвету весною лютиком, Покажусь кому-то люб. Отряхнет пыльцу он прутиком, И теплом согреет груб.

ЧУДЕСА В ЛЕСУ

В лесу, где нету хлестких вьюг, Но стужа всё прожгла до синьки, На тонкой-тонкой паутинке Справляет Новый год паук.

ПАХНЕТ МЕДОМ ТРАВОСТОЙ

Не стыжусь я по-старинке Спозаранку, по росе, В травостое по низинке Честь, склонясь, отдать косе. Взмах – наотмашь. Шире плечи! Бросив вызов февралю, Я прокос заре навстречу, Как дорогу, проторю. И в разгар зимы суровой, И в мороз, и в снегопад, Подобревшие коровы Лето сладкое едят. Порезвись, моя девятка, Сенокос, как жаркий бой. Кто отстал – подрежут пятки. Пахнет мёдом травостой.

поют клесты

В кухту закутались кусты, Грызутся склочницы-метели. А в гнездах юркие клесты Птенцов качают в колыбелях. Кряхтит мороз, Поют клесты. Чем злей мороз, Тем звонче песни, Метелей стелятся холсты И ярче солнце в поднебесье.

МУРАВЕЙ-ЯНВАРЕЦ

Всю ночь снег сыпал, сыпал валом, Забил все просеки и тропы. А утром босый по сугробу Шагает муравей с хвоинкой к храму.

СЧАСТЛИВЫЙ РЫБАК

Я – рыбак. Шалаш мой дом. И, как жена, река под боком С надежным другом челноком. Сеть засынлю по затону

У заслона камышей,
Щуки юркие загонят
В ряж зеркальных карасей.
Разожгу костер я яркий
На песчаном берегу.
И придет ко мне русалка
На икристую уху.
На прощанье поцелуем
Щеку метит, аж пятно.
- Позовешь, как затоскуешь,
И нырком уйдет на дно.
Пляшут зори по озерам,
На пруду трубит гусак.
Ходят толки, разговоры:
- Не зевает наш рыбак.

ТЕПЛОМ СО МНОЮ ДЕЛИТСЯ ЗЕМЛЯ

Я с юных лет привык вставать с зарею И умываться звездною росою. А в полдень с ношею грибов иль ягод Спешил домой, торжественный и радый. Закаты провожал В полях и на прудах, И вилы, весла ахали в руках. И у костра ломоть ржаного хлеба. Мне звездами искрило щедро небо. И на сухих метелках ковыля Со мной теплом делилася земля.

ЭХ, БЫ СВЕЖИХ ХАЙРЮЗКОВ!

Спустили пруд. Осклизли берега. Пыхтя, трясины изрыгают тленье. И потянуло тленьем на луга, И тленьем потянуло по деревне. Не слышно птиц веселый перезвон, Не плещут плеса детские ладошки. С утра до ночи хриплый крик ворон — Доклевывают снулую рыбешку. А на пригорке лежка мужиков - Глотают самогонку из бутылки. - Эх, бы на закус свежих хайрузов! И заедают горечь ржавой килькой. - А я бы на сметанке карасей! Да гдс их взять? Течет едва ручей.

НЕ УЕЗЖАЙТЕ ИЗ РОДИМЫХ МЕСТ

Не уезжайте из родимых мест, Куда бы вас ни завели мечты. Они как тени, как нательный крест, Разлукой вам к ним не порвать мосты. И, как бы ваша ни сложилась жизнь, В каких бы вы ни нежились хоромах, Как у костра мы взглядом ловим искры, Всегда тоска тянуть вас будет к дому. И на пиру, подняв бокал нарзана,

Смакуя модно за глотком глоток, Вы вспомните в завьюженных Саянах Скалу пробивший чудо-родничок. Хотя б глоток с него... Хотя б один глоток! С родной земли! Пахнувший мхом и золотистой смолкой. И вспомнятся смычки, шнурки дорог, Знакомые низины и пригорки. И все дорожки, как ручьи к реке, Бегут, бегут, бегут наперегонки... И я уже на утлом челноке Плыву по плёсам на родной сторонке. И, радостно приветствуя меня, Кружатся чайки, хлопая крылами, И камыши, литаврами звеня, Зовут: «Иди, родной! Останься стражем с нами». А рыбаки в обнимку: «Что, беглец, Соскучился, знать, по ершам икристым? Ведь помним мы тебя, умелый был ловец, Какая страсть любви к земле в тебе таится!» Костром согретый, верностью друзей, Икру ершей со звёздами мешая, Уху хлебаю. Не едал вкусней: Особый вкус. А силушка какая! И незаметно, тихо, как дитя, Уснул, вольготно распахнувши руки. Стелилась пухом отчая земля. Так крепко никогда не спал в разлуке. Не уезжайте из родимых мест. И птицы возвращаются в гнездовья. Земля родная - как нательный крест, И верность проверяется любовью.

моя тропинка

Я не искал проторенных дорог, Не щеголял на площадях в обновках. По ковылям, по зарослям осок, Как мог, торил свою мечту-тропинку. В дремучих дебрях, Где медведь - хозяин В кедровые звенел колокола, Я по завалам, по утёсам лазил, Куда мечта заманчиво вела. По бронзовым стволам, за облака, на кроны, И о созвездья кудри завивал, И слушал песни глухарей влюблённых, И сам маралам на рожке играл. И носом в нос не раз встречал медведя, И, не шумя, здоровый уходил. Пришёл в тайгу - не причиняй беды ей. Закон для всех суров, неколебим. Пропахший иван-чаем и смолою, Забыв костыль у найды на ночлежке, Несу рюкзак, нагруженный тайгою, Пощёлкивая бурые орешки.

БЫЛЬ И МЕЧТА

Земля проснулась, Нежится земля, И стелет, стелет белые вуали. И вырвались из плена ковыля, Обнявшись, с бороздою борозда,

Бегут за плугом голубые дали. Доволен тракторист: ему подвластны Сто лошадиных сил, впряженные в мотор. И что ни борозда – тропинка к счастью, И что ни поле – для него простор. Ему подвластны и луга, и степи, И гребни древних дремлющих бархан. Поднимутся стеною всходы хлеба На радость долгожданную землян. Обнимут борозды всю землю, как экватор, Поднимут нивы гривы золотые. И будет сытым бедный, как богатый, И ореолом хлебная Россия.

БОЛЬ

В Косоголе, на озерах, Чернеди шлифуют зори. Вьются юркие чирки, Небеса коптят стрелки. И грустят патронташи, Как в подземелье камыши. Я в укрытье шалаша Жду прилета крякаша. А в куге подранок стонет: Кто-то стрелил наугад. Тонет в заводи закат. Только я усну навряд, Защемило сердце, ноет, Ведь подранок я, солдат.

ИГРАЮТ ДЕТИ У ВОКЗАЛА

Играют дети у вокзала,
На бровке роются в песке.
И бегают, и прыгают по шпалам,
Скользят по рельсам,
Словно на катке.
И поскользнулся неуёмный Коля,
И на откос ничком упал.
Кричит и корчится от боли,
Подняв весь на ноги вокзал.
Играют дети у железки,
Тусуют с солнышком песок.
Стоит мальчишка на отрезке,
Склонясь к стене на посошок.

Я ИНАЧЕ НЕ МОГУ

Ты брани меня, как хочешь, Я иначе не могу. Слышишь, слышишь, как хохочут Перепелки на лугу? Слышишь, шепчутся рябины, Лен развесистый обняв? Как могу пройти я мимо, Рук любимых не пожав? Повстречаюсь с рыбаками, Сяду рядом к огоньку. И стихами с земляками Рассчитаюсь за уху. Там, где кипень переката, Где таймень луну клюет,

Не меня ли на закате
Лебедь белая зовет?
Не меня ли оморочка
Заждалась на берегу?
Ты брани меня, как хочешь,
Я иначе не могу.
Откипят рябиной зори,
В камыши октябрь падет.
На застывшие озера
Лебедь нас не позовет.
А пока кипят припои,
Дергачиный пляшет хруст,
Я кипрейного настоя
Из рожка луны напьюсь.

РОДНОЕ ГНЕЗДО

...Поля, поля...
В обнимку с нивой нива,
Луга костров и пойма камышей.
Здесь ось земли,
Здесь житница России,
Навряд ли где найдешь еще щедрей.
Над плесами кудрявятся туманы,
И день, и ночь не молкнет плеск и гам.
Как эскадрильи, птичьи караваны
Летят к родимым гнездам, к нам.

<u> Пворчество Причулымья</u>

Чуть свет взахлест поют моторы, Играют скрипки тропок и проток. Кто ловит с рыбой в сети зори, Кто до дождя поставит стог.

ЕСТЬ И В УХАБИНАХ ДОРОГИ

Халупы дедовских времен, Забот и дел по горло, много. Работай, если не пижон, Но есть она — земля родная, Которой нет нигде милей. Не надо мне чужого рая, Свое гнездо в снегу теплей.

ВОЛШЕБНАЯ ПРОЩАЛЬНАЯ ПОРА

Волшебная прощальная пора,
Породственно обнявшись с летом осень,
Пыхтя парком последним по утрам,
Как бусы, рассыпает росы.
Зеленые расчесывая кроны,
Заметят лапы желтые, как лис.
Скорбя, качают в ледяных ладонях,
И падает, кружась, на землю лист.
И золото мешая с сединой,

Ноябрь зиме откроет настежь двери. И буду я в ушанке меховой Ловить в лохмашки солнце возле сквера.

ничьи

В застывшем сквере, у окошка, У вечно запертых дверей, И день, и ночь мяучит кошка, Ночлега просит у людей. Её ещё слепым котенком Взяла артистка - высший свет. И радовалась, как ребенку, - Ни кошечка – цветов букет. А стала кошкой – за окошко. - Иди, хозяина найди. Не буду я таскаться с плошкой, Котятам подтирать хвосты. В застывшем сквере, у окошка, У вечно запертых дверей, Ничья едва мяучит кошка, Спасенья просит у людей. Ничья собака стынет у газона, И бомж ничей замерз в ночи. И кажется, мы все бездомны, И кажется, мы все ничьи.

<u> Пворчество Причулымья</u>

ЦВЕТОЧНИЦА

У перекрестка двух проспектов, В накидке легкой и в платке, Стоит цветочница с рассвета С пунцовой розою в руке. Она в стаканчике всю зиму Её растила, берегла. Как встречу с внучкою любимой, С бутоном розовым ждала. Да жизнь свернулась вся в лукошке, Не знает, как концы связать. И за гроши несет с окошка Весну кому-нибудь продать. У перекрестка двух проспектов, Где торжествует бытие, Стоит цветочница с рассвета. Купите розу у неё!

ВДВОЕМ И ЗИМЫ НЕ СТРАШНЫ

Соболевал весь день.
Голодный и усталый,
Перешагнув едва порог,
Чуть-чуть не наступил на горностаяОн свечкою стоял у ног.
Соскучился, как ласковый котенок,
На руки просится... и лапой щеки трёт.

И, как в гнезде, свернувшись на ладони, Зажмурившись, спокойно ужин ждет. Он тешится рябком, а я ножом Стружу сухую сохатину. Так радуясь друг другом, и живем, Теряя счет холодным зимам. Он любит спать, прильнув ко мпе подмышкой. Причмокивая, слюнки смачно пьет. А мне все кажется, внучонок Миша Целует деда, встретив у ворот.

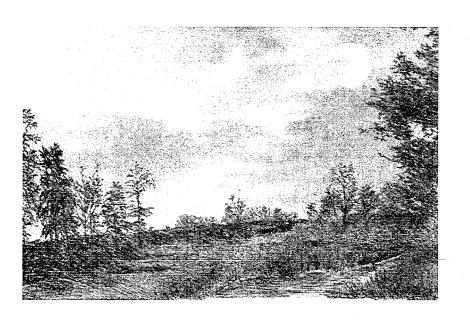
ПАХНЕТ СВЕЖИМ ХЛЕБОМ РУСЬ

На Генералихе туманы, И под ногами хрустнул груздь. Пахнуло свежими хлебами, Гречихой, мёдом пахнет Русь. И на полях, и на полянах, Как весною косачи, Зафырчали спозаранку Комбайны, тягачи. Дорог мотая километры, Машины мчатся на поля. Им подпевает шустрый ветер, В нарядах золотых земля. И золотые плещутся ручьи И в бункера, и в закрома. И будут шаньги горячи, И теплой матушка-зима.

<u> Пворчество Причулымья</u>

под полярною звездой

Целуя землю, закатилось солнце, Кто загрустил, а кто поет. Никто не знает, сколько раз придется Кому встречать малиновый восход. Одна на небе светится звезда, Другая, с неба падая, сгорает. Ей на земле не светить никогда. И в небесах она не засверкает. И под Полярною звездой Я не искал нигде другую. Пройду, что суждено судьбой, И упаду на грудь земную.

последнее.

25 - 29 марта 2013 года.

По стрелам кранов,
По лесам, по крышам
Скатилось солнце,
Радуя и грея.
И стали все мы красивей и выше,
И по-весеннему добрее.
Ручьями снег с газонов гонит,
И радуется, и звенит,
И всех подряд целует, как влюблённых,
И мы в него по уши влюблены.
И на пригорке сивый пень,
Как был когда-то парнем хлёстким,
Плешь, как пилотку, набекрень
Навстречу солнцу
Потянул отростки.

<u> Лворчество Причулымья</u>

СОДЕРЖАНИЕ:

РАССКАЗЫ

Пуховая перина	6
Лисица в дупле	8
Крякаш	10
Барсучатник	11
Жадность и доброта	13
Крестник	18
Катя	23
Слепой утенок	26
Новогодний подарок	30
В ледяном склепе	33
Седой кот	37
Секунда	41
Должник	44
Часы	47
Озеро в сапогах	49

Смерть пролетела надо мной	51
Верность	53
Я видел удава	55
И звери тоже плачут	57
Змея	58
Первый шаг – первый шрам	59
Тяжёлое прощанье	60
Страшное детство	61
Такое не забывается	79
Верхом на козле	82
Этого не забудешь	85
Медведь	89
Мгновенье	92
Роковая ошибка	95
Шишкари	97
Земная синева	101
В гостях у мелвежат	102

Неравная схватка	115
Спасенная песня	117
Воспоминанье	119
Крот	120
Танец со слезами	121
Доверие	123
Памятная ночь	126
СТИХИ	
В зимнем поле	130
Никто не знает	130

Дитя природы

Зима справляет новоселье

Песни любви

Легенда

131

132

133

134

Лворчество Причулымья

Жизнь проверяет верностью любовь	136
Сибирский соловей	137
Родимая сторонка	138
Могу ли я назвать тебя иначе?	139
Новоселье на Каче	140
Строка крепит строку	141
Рябинка	141
Золотая рыбка	142
Талисман России	143
Как спон пшеницы, солнце обниму	144
Неожиданная радость	144
И теплом согреет губ	145
Чудеса в лесу	146
Нахнет медом травостой	146
Поют клесты	147
Муравей - январец	147
Счастливый рыбак	147

Теплом со мною делится земля	148
Эх, бы свежих хайрюзков	149
Не уезжайте из родимых мест	149
Моя тропинка	151
Быль и мечта	151
Боль	152
Играют дети у вокзала	153
Я иначе не могу	153
Родное гнездо	154
Есть и в ухабинах дороги	155
Волшебная прощальная пора	155
Ничьи	156
Цветочница	157
Вдвоем и зимы не страшны	157
Пахнет свежим хлебом Русь	158
Под полярною звездой	159
Послелнее	160

ПЁТР КОВАЛЕНКО

Жажда жизни

РАССКАЗЫ, СТИХИ

2013 – 168 стр.

Формат 14,8 х 21 гарнитура

Тираж 105 экз. заказ 953

Отпечатано в полиграфическом участке
КГАУ «Редакция газеты «Сибирский хлебороб»
662255, г. Ужур, ул. Ленина, 35
E-mail sibhleb@mail. ru

Телефон главного редактора **8(39156) 21-6-14**

